

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ ДЖОЗЕФА МАУРИ

Вот уже пятнадцать лет подряд гостит у меня ежегодно мой давний друг – американец. Старожил многолюдного Нью-Йорка оказался там, как ни странно, настолько одинок, что у него осталась только единственная близкая ему семья – моя жена Валентина вместе со мной.

Дабы повидаться с нами и пожить у нас две-три недели, наш гость, бедняк-пенсионер, копит помаленьку каждый год достаточно денег, чтобы купить самый дешевый авиабилет по льготному тарифу в интервалах между туристическими сезонами.

Джозеф говорит сносно по-русски, читает в Нью-Йорке эмигрантскую газету «Новое русское слово», а в Москве покупает день за днем не менее дюжины газет и потом пересказывает мне наиболее примечательные статьи.

Он подолгу обходит книжные магазины, посещает диспуты в столичном Доме литераторов и любит вообще разгуливать среди толп москвичей по Старому Арбату, Тверской улице, Манежной площади, где прежде, в середине 80-х годов, многие горожане, завидев Джозефа, приветствовали его, окружали, жали ему руку, просили дать автографы. Тогда его лицо мелькало у нас на экранах телевидения, миллионных страницах «Правды», «Известий», «Труда» и прочих газет и журналов.

Но теперь никто не узнает общеизвестного ранее янки, хотя он внешне мало изменился.

Сработала, вероятно, вещая поговорка: «С глаз долой – из сердца вон». Вдобавок и сердце моей отчизны ныне подменили на нечто бессердечное.

Впрочем, прекратив мои сугубо личные догадки, вернусь к фактологии необычной судьбы Джозефа. С ним я познакомился осенью 1985 года, будучи в ту пору корреспондентом московской «Литературной газеты» в Соединенных Штатах.

Обосновавшись в Нью-Йорке, я начал прежде всего поиск помещения для корпункта «Литгазеты». Требовалось арендовать квартиру на Манхэттене – эпицентре нужного журналисту скопища местных штабов бизнеса, политики и прессы.

На севере этого района доминировал негритянский Гарлем, опасный смертельно для любого белокожего чужака. А примыкали к

Гарлему в те времена обширные трущобные кварталы с их круглосуточной преступностью. Юг Манхэттена тоже был весьма криминален из-за обилия там наркоманов, нищих люмпенов, шаек итальянской и китайской мафии.

Самой благополучной являлась восточная часть города – Ист-Сайд. Но тамошнее супердорогое жилье было мне не по карману.

В итоге я выбрал западный район Вест-Сайд – смесь ветхих домов бедноты и новых небоскребов для так называемого «среднего класса». В том месте происходила в те годы «джентрификация», то есть «аристократизация» – систематическое выселение малоимущих арендаторов из окрестных зданий, которые затем ремонтировали, облагораживали и предлагали по возросшей цене состоятельным квартиросъемщикам. Я осмотрел дюжину таких жилищ, надеясь устроить за наименьшую плату газетный корпункт из трех комнат – своего кабинета, спальни и небольшой приемной для посетителей.

Под конец из всех вариантов наиболее низкая аренда корпункта составила три тысячи долларов в месяц! Это показалось мне тогда беспардонным грабежом. Ведь в Москве мы с женой платили в те дни за нашу трехкомнатную квартиру 20 рублей помесечно. И никак не могли предвидеть, что спустя полтора десятка лет у нас дома будущая «жилищная реформа» узаконит дикую спекуляцию по нью-йоркским образцам.

А в том далеком 85-м году американский корпункт «Литгазеты» все же обрел дорогостоящее пристанище лишь потому, что моей редакции пришлось безвыходно раскошелиться.

Тот прошлый жилищно-денежный контраст городского быта Нью-Йорка и Москвы стал темой моего газетного репортажа. В него я включил эпизод, привлекший случайно мое внимание по-соседству с корпунктом на 70-й стрит. Шагая по ней, я увидел пару пожилых американок, пытавшихся всучить прохожим какие-то листовки. Но от них отмахивались почти все пешеходы. А я взял из любопытства.

На листовке было напечатано название ее изготовителя – общественно-благотворительная организация «Городской совет по жилищным делам». Текст гласил:

«Стоп! Стоп! Прочитайте, пожалуйста, и подпишите нашу петицию к домовладелице Дениз Собел с просьбой прекратить бесчеловечное выселение ее жильца Джозефа Маури. Он арендует маленькую комнату на 70-й стрит в доме № 35 на пятом этаже. Этот дом куплен миссис Собел. Ей принадлежит еще два здания. Она убедила

суд выселить м-ра Маури, хотя ему негде больше жить по причине крохотного заработка. Тем не менее, он исправно платит за его комнату 98 долларов ежемесячно. Зачем же превращать Джозефа Маури в бездомного? Невозможно смириться с такой бессердечностью. Попросите Дениз Собел прекратить несправедливое выселение Джозефа Маури!»

Прочитав листовку, я обнаружил, что ее вручили мне как раз перед обозначенным в ней домом № 35. Это была староватая кирпичная пятиэтажка. Вполне добротная, но с облупившимся фасадом. Такие дома и подвергались пресловутой «джентрификации». Ее жертв изгоняли отсюда не только по приговору судов.

Нередко домохозяйева нанимали банды вышибал, которые силком вторгались в клетушки беспомощных постояльцев, лупили их, крушили мебель, срывали электропроводку, устраивали поджоги и выталкивали на улицу запуганных бедолаг.

Парадная дверь дома 35 была почему-то не заперта, и я вступил беспрепятственно в сумрачный безлюдный холл, Избегая гнева домовладелицы, добрался бесшумно по лестнице до пятого этажа. Там на площадке узрел четыре комнатные двери, приник поочередно к ним ухом и сквозь одну из них расслышал приглушенные шорохи. Постучался туда, и дверь открыл высокий, плечистый и болезненно тощий мужчина в клетчатой заношенной рубашке и столь же истертых темно-серых штанах.

На вид ему было примерно лет под пятьдесят. Его я спросил:

– Как вас, извините, зовут?

– Джо Маури. А вы кто?

– Журналист из Советского Союза. Корреспондент издающейся в Москве «Литературной газеты». Моя фамилия Андронов.

Он изумленно и недоверчиво уставился на меня. Понадобилось показать мое служебное удостоверение на английском языке и полученную мной петицию к его домохозяйке. Я сказал:

– Можно к вам зайти и побеседовать?

– Входите, – ответил он.

Размер его комнаты не превышал 7 квадратных метров. Все внутреннее убранство состояло из матраца на полу и целлофановой кошелки с каким-то мелким барахлишком. Я удивился:

– У вас нет даже стула и столика?

– Были два стула, тумбочка, кровать, настенное зеркало и полки с двумя сотнями книжек. Но ко мне с часу на час могут заявиться су-

дебные приставы и вышвырнуть на мостовую с моими пожитками. Они попадут на мусорные свалки. Поэтому я сам вынес их загодя на улицу и раздал проходившим мимо незнакомцам.

Он вздрогнул и отвернулся. Помолчал. Потом промолвил:

– Когда раздавал мои книги, то расплакался.

Мне захотелось хоть как-то его утешить:

– А вдруг поможет петиция в вашу защиту?

– Это благая, но бесполезная затея, – возразил он. – Купившая дом миллионерша уже очистила 22 комнаты от таких, как я, неизбежен и мой черед. Алчная богачка перестроит внутренность дома и сдаст в аренду сверхприбыльно толстосумам обновленные квартиры.

Внезапное сочувствие к нему прошибло вдруг во мне профессиональную отстраненность бывалого газетчика от чужих невзгод. И я сказал:

– Если вам будет некого позвать на подмогу при выселении, то обратитесь ко мне поблизости, на 67-ю стрит. Вот мой адрес и номер телефона.

Он взял мою визитную карточку и впервые улыбнулся. Робко, несвесело, но дружески.

Через пару дней Джо Маури позвонил мне и сообщил, что его еще не выселили, хотя это угрожает ему по-прежнему. А я предложил Джо навестить меня и добавил, что встречу его в холле моего дома. Иначе там, как я опасался, дежурный швейцар задержал бы наверняка похожего на бродягу изможденного пришельца в нищенской одежде.

40-этажный небоскреб, где находился корпункт «Литгазеты», населяла преимущественно обеспеченная публика – служащие банков, преуспевающие адвокаты и врачи, биржевые маклеры, муниципальные чинуши. Среди этих «средних американцев» не было ни одного негра либо желтокожего. От таких избавлялись под лживым предлогом того, что в сем доме вроде бы уже нет свободных помещений. И повсюду в Соединенных Штатах укоренилась подобная негласная подоплека их витринного равноправия и политкорректности.

Когда Джо вступил в фойе моего дома и я демонстративно пожал ему руку, то все равно ливрейный швейцар уставился на него презрительно и сердито. А высокорослый Джо инстинктивно сник, ссутулится, засмутился. Я шелнул ему:

– А ну-ка распрями спину и не тушуйся перед наемным холоуем.

Но Джо выпрямился и как бы оттаял только за порогом корпункта, когда его встретила очень доброжелательно моя жена, усадила на диван, угостила чаем и бутербродами. Мы провели втроем несколько часов, неторопливо беседовали, шутили, обсуждали разные события в Нью-Йорке и Москве.

Так я узнал, что Джо трудится грузчиком в типографии газеты «Нью-Йорк таймс». А в молодости был фабричным рабочим, потом танцором эстрадных кордебалетов и позднее физкультурным тренером разных спортклубов. В отдаленном прошлом женился, развелся, детей не имеет, стал закоренелым холостяком. И друзьями не обзавелся. Живет безденежным бобылем. К тому же уже дважды его выселяли в Нью-Йорке из домов, подвергнутых тоже «джентрификации».

Выяснилось также, что Джо завязал знакомство со мною отнюдь неспроста. Он прочел немало книжек о России, оказался особенно сведущ по части многих сражений советской армии во Второй мировой войне, интересовался современной жизнью моей страны, подписавшись ради этого на англоязычное издание газеты «Московские новости». В начале 60-х годов Джо побывал туристом в Советском Союзе и с той поры продолжал осваивать самоучкой русский язык.

Для него я нежданно явился притягательным выходцем из мира российского социализма. Его поводав и начитавшись о нем, Джо не идеализировал чрезмерно советский строй. Но вместе с тем похорошему завидовал нашей опеке бедняцкого люда, которого нигде у нас не гнали из жилья по бесстыдной причине отсутствия больших денег.

В общем, горемыка Джо показался мне симпатичным, интеллигентным и несправедливо несчастным человеком.

О нем «Литгазета» напечатала скуповато лишь восемь коротеньких абзацев мелким шрифтом. И тем бы, наверное, все это закончилось, кабы дипломатическая миссия СССР в Нью-Йорке не пригласила меня по телефону навестить ее по какому-то срочному поводу.

Вызов сделал, как прояснилось далее, весьма вельможный дипломат, который был в действительности одним из руководителей секретной резидентуры КГБ. Мой собеседник заговорил со мной о Джо Маури, хотя прознал о нем вовсе не из «Литгазеты». Он объявил мне, что выполняет поручение московского начальства Комитета госбезопасности и Центрального комитета КПСС.

Такое уведомление означало для меня беспрекословное подчинение. Или быструю расправу за малейшее противодействие.

Кагебист-дипломат сказал, что в Нью-Йорк прибыла группа московских киношников с заданием снять документальный фильм о здешних бездомных, в пикую громогласным нападкам отсюда на советские власти за попрание ими прав человека. Но киноспецы контрпропаганды очутились на грани срыва их госзаказа, так как заснятые тут десятки уличных бездомных выглядели придурковатыми босяками, грязными алкашами, мерзкими оборванцами. И не могли внятно произнести хоть что-либо антиамериканское даже с подсказки.

Поэтому из Москвы поступила директива: спасти кинозатею с помощью обнаруженного «Литгазетой» вполне благообразного нью-йоркца Джо Маури.

И чтобы это усвоил я как безоговорочный приказ, были названы два сценариста грядущего фильма. Первый – Леонид Замятин, заведующий отделом международной информации ЦК КПСС, наивысший куратор всех советских журналистов-международников. Второй – прибывший в Нью-Йорк писатель Генрих Боровик, известный своими связями с ЦК КПСС и генералитетом КГБ.

Из этих киноавторов я был знаком только с Боровиком. Ему доверяли свыше наиболее злокозненные делишки. Во время войны во Вьетнаме его командировали в ханойскую тюрьму для опроса пленных летчиков США с целью похлеще их опорочить. Потом он облыжно приписал американскому ЦРУ убийство агента-двойника КГБ и ЦРУ Николая Артамонова, которого прикончил секретно приятель Боровика генерал КГБ Олег Калугин. Смычка Боровика с шефами КГБ была столь уникально тесной, что ему позволили для сочинения шпионских опусов поработать в сверхзаконспирированном архиве госбезопасности на Лубянке.

Однако у меня возникла неприязнь к Боровику совсем не по причине его родства с КГБ, включая семейное – замужество его дочери за сыном генерала-резидента КГБ в Вашингтоне.

Рядовые офицеры советской разведки, встреченные мною не раз за рубежом, выполняли свой служебный долг патриотично и с риском для жизни. Шла «холодная война». В ней и я участвовал словесно на стороне моей страны. Но чурался демагогии. Чем занимался Боровик, восхваляя в газетах и по телевидению каждый политический чих Кремля так напыщенно, ходульно, навязчиво, что это казалось мне халтурной фальшью.

Впоследствии, после развала СССР, Боровик опять лицемерил на страницах «Московского комсомольца»:

– Когда в 70-х годах я впервые увидел близко несколько людей с Олимпа, то понял, что идеи социализма им ненужны. Они в это не верят. Это в основном народ некультурный и хамоватый, исходящий из того, что, если он начальник, – ты дурак. Но что я должен был делать? Выйти на Красную площадь и кричать: «Долой»? Большевики кровью уничтожили веру в социализм. В конце 70-х коммунисты обманывали людей идеями социализма.

Тогдашний ярый коммунист Боровик, прибыв в Нью-Йорк осенью 1985 года, снимал, выходит, предумышленно обманый фильм. И угождал «некультурным и хамоватым» бонзам кремлевского «Олимпа» не только своими публикациями. Он недавно поведал столичным газетчикам, что его «отец – еврей», а в прошлом «главный идеолог компартии Сулов заинтересовался моим отчеством» и заодно ругнул «сионизм». Вслед за тем Боровик сменил отчество Авиззерович на Аверьянович. То есть ради карьеры отмежевался от своего отца.

Сотрудничать с таким ловчипой я не захотел, но не отважился на журналистское харакири – утаить Джо Маури от КГБ и ЦК КПСС. Боровик предложил мне сняться в его фильме на пару с Джо, но я отказался. И лишь свел Боровика с Маури. Их остальные контакты и киносъёмки происходили без меня.

Фильм Боровика и Замятина показали в СССР по телевидению весной 1986 года. Боровик экранизировал по привычке любовую агитку. Заснял Джо Маури на фоне нью-йоркских трущоб и бродящих по улицам бомжей, а потом привел на фешенебельную Пятую авеню, где подучил Джо спросить у привратника шикарного дома, сколько стоит там жилье? Привратник изрек:

– Самая дешевая квартира из двух комнат стоит здесь 376 тысяч долларов.

Эту киносценку Боровик сделал ключевой и дал фильму саркастическое название «Человек с Пятой авеню», акцентируя нарочито недоступность обитатели мультимиллионеров для Джо Маури и ему подобных. Столь назойливый розыгрыш сглаживала, однако, внешность Джо – его простодушная физиономия, честный взгляд, непринужденные манеры, ветхое одеяние, потрепанная шапчонка с длинным козырьком.

Экранизированный Джо вызвал невольное сострадание у советских телезрителей. Ведь они были тогда совсем иными, чем теперь.

Помню, как в те годы в московском аэропорту кто-то при отлете бросил беспечно свою овчарку, о чем оповестила «Комсомольская правда», а вслед за тем тысячи наших сограждан телеграфировали отовсюду о желании приютить бесхозную псину.

Между тем «Человек с Пятой авеню» принес Боровику ценнейшие дивиденды. И не только рублевые. Вскоре он был назначен председателем Советского комитета защиты мира (СКЗМ). Это учреждение именовалось общественным, но было государственным ведомством с прямым подчинением ЦК КПСС и под маскировочным коллаком КГБ.

Многочисленные спецсотрудники СКЗМ занимали шестизэтажное здание в центре Москвы и оттуда командировались в Западную Европу, Америку и прочие заморские края для возбуждения там потребных Кремлю митингов, шествий, конференций за мир и разоружение антисоветских супостатов.

Боровик обрел долгожданный высокий пост министерского ранга. Его сан гарантировал ему новые повышения по номенклатурным ступеням кремлевского Олимпа. И быть бы тому, не случись у нас политического землетрясения на пороге 90-х годов.

«Перестройка» и «гласность» подкосили элитарно-чиновную карьеру Боровика. Летом 1991 года рупор московских «демократов» – газета «Куранты» – разразилась скандальным компроматом:

«Семейственность, протекционизм, мотовство денег, в том числе государственных, – все это пустило глубочайшие корни в Советском комитете защиты мира, которым руководит Генрих Боровик. Он предпочитает «бороться» за мир в самых «опасных» уголках мира – в Италии и Греции, Швейцарии и Голландии, Франции и США. Из всех «боев» выходит без потерь. В США по линии комитета побывали разом его супруга, дочь и шестилетний внук. В этой команде, как правило, нет места рабочим и крестьянам. Наш родимый Комитет защиты мира превратился в «нужник» – клуб нужных людей. Сроду СКЗМ не был по сути своей общественной организацией. Комитет защиты мира был порожден ЦК КПСС. Обычная цэковская лавочка. Как был комитет кормушкой для партийной, советской, комсомольской, хозяйственной элиты, так ею и остался. Не пора ли обществу объявить войну «послам мира» из комитета с громким названием, дабы впредь не компрометировать благие идеи?»

И потом очень быстро комитет Боровика исчез, а сам Генрих псевдо-Аверьянович проворно примкнул к нашим современным «де-

мократам». Он принялся рассказывать по столичному радио «Эхо Москвы» издевательские анекдоты про КГБ и советскую прессу. Напечатал в журнале семейства Боровиков «Совершенно секретно» серию статей со сплетнями о тайной «шизофрении» Сталина и заклеил его пафосно за «глубокий цинизм, болезненную жестокость, низменный прагматизм и сопровождавшую всю его жизнь ложь, часто – иезуитскую, нередко – тупую, топорную, равнодушную».

Портретируя Сталина, новоявленный правдолюб как будто поглядывал в зеркало.

Прозванный ранее в Москве «идеологическим генералом КПСС», Боровик уверяет отныне газетчиков:

– Только религия может вернуть нравственность.

Вместе с тем во всех выступлениях самообновленца Боровика по телевидению, радио и в газетах он ни единым словом не вспоминал его бывшего киногероя Джо Маури.

А того после киносъемок Боровика выселили из его комнаты на 70-й стрит. Защищавшие изгоя американки-благотворительницы все же выручили Джо, пристроив в городской приют для бездомных на северной окраине трущобной зоны. Ее заселяли безработные, наркоманы, проститутки, воровская шпана. Направляясь туда на свидание с Джо, я всякий раз имел наготове карманный нож.

Очередное пристанище Маури размером в пять квадратных метров вмещало лишь матрац на полу и миниатюрную тумбочку. Не было в комнате ни туалета, ни умывальника. Они находились в коридоре для общего пользования всеми соседями по этажу. Но такое жилье, жалкое по американским стандартам, стоило Джо ежемесячно 112 долларов. За их вычетом зарплата чернорабочего, типографского упаковщика газет, обеспечивала лишь скудное пропитание.

Худощавый Джо еще сильнее отощал до того состояния, про которое обычно говорят – кожа да кости. И я спросил:

– Как же вы питаетесь?

– Покупаю на завтрак, – ответил он, – кусок хлеба и стакан морковного сока.

– А ваш обед?

– Булка хлеба и банка самых дешевых рыбных консервов.

– Ужин?

– Не ужинаю.

– По вечерам мучает голод?

– Не очень. Я привык к недоеданию.

О его прозябании «Литгазета» напечатала мою репортажную заметку одновременно с телепремьерой в Москве «Человека с Пятой авеню». Однако создатели фильма не удосужились поделить их солидным гонораром хоть чуть-чуть со своим главным киноперсонажем.

Воистину – сытый голодного не разумеет.

Советский телепрокат «Человека с Пятой авеню» обрушил вдобавок на Джо лавину злословия в Соединенных Штатах. Нью-Йоркская газета «Ньюсдей» объявила, что «русские подкупили Маури» и «он станет миллионером» за очернение Соединенных Штатов.

Радиостанция Эм-си-эй обозвала Джо «Квислингом», то бишь предателем, а газета «Нью-Йорк дейли ньюс» – «лжецом, обманщиком и отъявленным жуликом».

Та же газета пригрозила: «Теперь ему будет плохо в США». И предложила «обменять Джозефа Маури» на какого-нибудь пойманного в СССР американского шпиона.

Ведущие газеты Вашингтона, Бостона, Филадельфии, пресс-агентства и телевидение хором предали Джо анафеме. Нафантазировали о наличии у него «тайной роскошной квартиры», а потому призвали к выселению Маури из труппного приюта для бездомных. И пугали его судебным возмездием.

Запевалой травли выступила «Нью-Йорк таймс», чьи типографские менеджеры, оскорбляя и страшая Джо, лишили его и вовсе работы грузчиком. Так он сделался безработным.

Затоканный отовсюду Джо отсиживался боязливо в своей приютской норке, выходил купить продукты только затемно и жаловался мне:

– Сюда уже приходили полицейские, били кулаками в мою дверь и предъявили повестку с вызовом на допрос к следователю. Он заявил мне напрямик: причина допроса – мои кинорассказы в Советском Союзе о бездомных американцах. Вот за что меня хотели бы тут на показ распять. И преследуют будто опасного преступника.

Это я спешно разгласил в «Литгазете», но ее поддержка Джозефа не возымела никакого резонанса в Нью-Йорке. Отчаянное положение Маури становилось с каждым днем все хуже и безнадежней. Тому виновником первоначально, неумышленно, косвенно был я сам.

А посему после нелегких раздумий я посоветовал Джо экстраординарный демарш: поехать со мной в Москву и оттуда сенсационно вынудить корреспондентов западной прессы пересказать со слов оболганного американца хотя бы наполовину его истинную историю.

Джо согласился со мной. Наш замысел поддержала моя московская редакция и даже организовала финансирование путешествия Маури руководством советских профсоюзов – их центральным органом ВЦСПС. Мы вылетели в Москву самолетом «Аэрофлота» 3 августа 1986 года.

Почти месяц пробыл Джо на российской земле. В Москве, Волгограде, Сочи, Ленинграде. Встречался с сотнями моих соотечественников в цехах разных заводов, в институтах и школах, в редакциях газет, журналов и телестудиях, на городских улицах и вокзалах.

Повсюду ему, обездоленному иноземцу, дарили букеты цветов и сувениры, милосердно слали почтовые переводы наших рублей, бесполезных тогда для него из-за их валютной неконвертируемости. Он получил также не менее дюжины приглашений от незнакомцев поселиться у них в отдельной комнате.

На всех встречах Маури с его доброжелателями он собирал их подписи под петицией к губернатору штата Нью-Йорк с воззванием прекратить принудительное выселение низкооплачиваемых рабочих из арендованных ими жилищ.

Джо устроил в Москве пресс-конференцию для иностранных и местных журналистов. Раздавал интервью и порознь американским корреспондентам. Они держались враждебно, но все-таки цитировали обширно его отповеди им. А покровительство ему наших властей было, конечно, небескорыстным: он бесхитростно и аполитично способствовал пропаганде советского образа жизни.

Однако мне Джо преподнес негаданный сюрприз, когда мы посетили мой родной Ленинград и разместились в гостинице «Астория». Он позвал меня на прогулку и нервно попросил в сквере перед Исаакиевским собором выслушать его исповедь о неведомом мне интимном происшествии с ним 22 года назад.

Это случилось летом 1964 года, когда молодой американский турист встретил в России подмосковную девушку, красавицу-блондинку, и влюбился в нее. Он достиг взаимности и не пожелал расстаться с девушкой вопреки окончанию срока его визы на пребывание здесь. Он остался в Москве по сути нелегально.

И сразу же сыщики КГБ начали охотиться за подозрительным туристом, но неуловимый Джо хитроумно ускользал от них и продолжал тайком встречаться с возлюбленной. Завершилось это заурядно: контрразведчики выследили американского нелегала и выдворили из нашей страны.

Долгие годы Джо полагал, что КГБ закрыло ему навсегда доступ заново в СССР. И горевал о забытой отнятой любви. Оттого и ухватился он мечтательно за мое намерение обеспечить ему возвращение в Россию. Обнаружилось, что порыв Джо дать отпор его обидчикам с советской помощью был лишь побочным мотивом предложенного ему вояжа.

Не зря у нас в ходу мудрая поговорка французов: «*Cherchez la femme*» – «ищите женщину». Да, «шерше ля фам» почти во всем, не исключая политику.

Искать любимую женщину Джо потребовал от меня настолько возбужденно, что я смекнул: без нее мой подопечный будет психовать беспрестанно. По моей инициативе редакция «Литгазеты» попросила адресное подразделение министерства внутренних дел установить местопребывание гражданки по имени Алла Голубкова. Но такой нигде не значилось...

Куда же она запропастилась? Быть может, вышла замуж и сменила фамилию? Либо, увы, скончалась? Эмигрировала? Или где-нибудь живет почему-то анонимно?

До описания расшифровки этой загадки я уговорил Маури изложить самому ее предысторию. Ибо речь зашла о его собственной любви. А я взялся перевести с английского языка на русский рассказ Джо. Все это – ниже.

Cherchez la femme

...В июле 1964 года я отправился туристом из Нью-Йорка в Москву. На эту поездку денег было в обрез, из-за чего я воспользовался недорогим групповым туром советской фирмы «Спутник». И купил по минимальной цене авиабилет компании «Констелейшн» по прозвищу «птчика-дешевка». Ее устаревший самолет жалостно дребезжал над Атлантическим океаном и так часто нырял в воздушные ямы, что пассажиры трепетали до приземления в Германии. Там я пересел в поезд Берлин-Москва.

То памятное путешествие продолжалось еще месяц и переиначило мою жизнь, одарило любовью, навлекло страдания, запало мне в душу столь надолго, что все это не умрет во мне до гроба.

Ничего подобного не предчувствовал я до турне в Россию. Родился я в штате Коннектикут, а мой покойный дед и его жена были выходцами из итальянской Ломбардии. Дед и мой тоже покойный

отец – потомственные каменщики-строители. Отец строил дома во многих городах Америки и кочевал по ним со мной и моей мамой.

Стал рабочим и я. Сначала на авиазаводе в Калифорнии, позже – на бумажной фабрике в Нью-Йорке. Там же я учился по вечерам в городском колледже. Изучал иностранные языки, литературу и увлекался спортом, что всячески поощряют, как известно, в американских вузах.

К литературному чтиву приотрастил меня отец. Он был заядлым книголюбом и поручал мне приносить ему из библиотек книжки по его спискам, предпочитая мемуары, биографии выдающихся людей, исторические трактаты. Заодно с ним и я занимался самообразованием.

В колледже я получил диплом бакалавра наук. Но познаний в литературе и языковедении оказалось недостаточно для заработка. Зато выучил спорт.

Моя отличная физподготовка, рельефная мускулатура, подвижность, высокий рост и молодость позволили мне подрабатывать танцором в нескольких мюзиклах на нью-йоркском Бродвее. Затем последовали иногородние гастроли и знакомство в Калифорнии с популярной актрисой и певицей Мэй Уэст. Она взяла меня в свою труппу.

Мэй Уэст очень прибыльно пела на сценах ночных клубов, а ей подтанцовывали десять стройных качков, включая меня. Мы выступали в Лас-Вегасе, Майами, Чикаго, Сан-Франциско, Нью-Йорке, Филадельфии, Нью-Орлеане и так далее.

Кроме того, во время киносъемок голливудского фильма «Клеопатра» меня наняли сыграть одного из античных воинов. Да еще пригласили участвовать в состязании качков на титул «Мистер Америка». Впрочем, я занял в том турнире лишь шестое место.

Второстепенность моих амплу побудила меня повысить актерское мастерство. И ради этого я прочел опубликованные по-английски книги прославленных российских режиссеров Станиславского и Вахтангова. А чтобы постичь театральное искусство и других русских мэтров, я выучил, во-первых, русский алфавит, во-вторых, грамматику русского языка, в-третьих, приобрел магнитофонные кассеты уроков русской речи.

Так я стал завсегдаем магазина русскоязычных книг «Четыре континента» в Нью-Йорке. В том магазине продавали советскую газету «Москоу ньюс», на которую я подписался. В ней было немало статей на политические темы. Они меня тоже заинтересовали.

Дело в том, что я оставался духовно, благодаря семейному воспитанию, рабочим человеком. Моя рабочая юность и пример отца продемонстрировали, как нелегко живется трудягам моей среды. У меня не было почтения к американскому образу жизни с его культом денег. Этот неприглядный, по-моему, культ превратили в идеологию американского общества. Мне опротивело то, как крикливо наша пресса внушает нам день за днем: «Мы – свободный мир!»

Пресса демонизировала русских «комми» и уверяла, что они хотят захватить нас и поработить. Нас подстрекали ненавидеть совершенно незнакомых нам людей и в целом их общество. Но как раз это разожгло мое любопытство в отношении русских. И подтолкнуло подписаться на «Москву ньюс».

Помню как понравилась мне в московской газете статья под заголовком «Обмен заложниками». В статье предлагалось поселить в СССР несколько тысяч американских граждан и столько же советских в США. Такой обмен помог бы, дескать, предотвратить ракетно-ядерную войну между двумя сверхдержавами. Эта выдумка была, конечно, несбыточной, но в 1963 году я простодушно увлекся ею. Тогда она показалась мне замечательной идеей!

Ту статью сочинил журналист по имени Николай Глагопев. И я решил: если побываю каким-либо образом в Москве, то прежде всего встречусь и поговорю с тем газетчиком.

В начале лета 1964 года я зашел в книжную лавку нью-йоркского Колумбийского университета и увидел там на доске объявлений листок с приглашением советской туристической фирмы «Спутник» участвовать в поездке молодежной группы в Москву. Приглашение было подписано координатором этого тура – американкой Сандрой Хэнно.

Разыскав Сандру, я выяснил, что московский тур будет максимально удешевленным и «образовательным»: нас поселят в студенческом общежитии во время летних каникул и пригласят бесплатно заслушать несколько лекций о жизни в Советском Союзе. Все это займет 10 суток. Но такую краткосрочность, заполненную лишь назидательными лекциями, я счел недостаточной, а потому самостоятельно запасся советской визой на месячное пребывание в России.

В июле 1964 года мой приезд в Москву совпал с очередной вспышкой «холодной войны». В Соединенных Штатах накануне президентских выборов «ястребы»-политиканы истерично требовали «остановить повсюду агрессию комми».

Президент Линдон Джонсон нагнетал кровопролитную войну наших войск против коммунистов во Вьетнаме. И гневно возмущался: «На нашем пороге нам угрожает Куба, и, если понадобится ударить комми по их головам, то мы это сделаем».

Соперник Джонсона в борьбе за президентство Барри Голдуотер, вожак «ястребов», был вообще способен спровоцировать водородно-ядерные бомбежки городов России. Ну, а там пропагандировали антиамериканизм.

В Москве меня с тургруппой «Спутника» поселили в маленьких комнатах студенческого общежития университета на Ленинских горах. В тургруппе только я и Сандра были американцами. Остальные приехали из Англии, Нидерландов и прочих европейских стран.

Каждый день нас созывали дважды на лекции о разных преимуществах российского социализма – о бесплатной медицине, отсутствии безработицы, всеобщем бесплатном образовании, равноправии и других благах для трудящихся.

Те лекции оказались, однако, слишком рекламными и крайне скучными. От них клонило в сон. И хотелось сбежать, чтобы самому побродить по Москве и безнадзорно пообщаться с москвичами. Но тому препятствовали неотступные гиды – двое парней-студентов, умевших изъясняться по-английски. Один из них – Саша – почему-то особо усердствовал по части слезки за мной. Таких, как он, кличут по-американски «стули», а по-русски «стукач».

Все же неоднократно я смывался с принудительных лекций и ускользал от Саши. Мне удалось в одиночку добраться до Пушкинской площади и прийти в редакцию «Москоу ньюс». Там я сказал, что являюсь подписчиком этой газеты и хочу повидаться с ее сотрудником Николаем Глаголевым.

Он принял меня очень по-доброму. Говорил по-английски безупречно. А когда я ему пересказал его статью, то это, наверное, польстило ему, и он пригласил на ланч своего читателя из Нью-Йорка.

У Глаголева был собственный автомобиль, на котором мы поехали по Москве, осмотрев ее достопримечательности. Благодаря Глаголеву я получил возможность, используя мое знание русского языка, свободно знакомиться на улицах или в магазинах с рядовыми горожанами, вопреки запрету властей на несанкционированные ими контакты с иностранцами.

Московские магазины поразили меня скудностью товаров, а москвичи – приветливостью и дружелюбием к чужеземцу из страны,

угрожавшей в ту пору России. Никто ни разу не произнес об Америке дурного слова.

Гостеприимство русских людей покорило меня. Я был рад, что приехал сюда. Наперекор распрям Кремля и американских антисоветчиков, я стал и остаюсь русофилом. Отношения между русскими и американцами периодически портят, по-моему, с обеих сторон лишь вздорные политики и те, кто их снизу обслуживает.

После десятидневного пребывания в Москве тургруппы «Спутника» я попросил нашу предводительницу Сандру помочь мне задержаться в России с учетом того, что моя советская виза действительно еще 20 дней.

Моя просьба сильно встревожила Сандру:

– Вы должны тоже уехать с тургруппой, чтобы не раздражать руководство «Спутника».

– Нет, – настаивал я, – моя виза позволяет мне задержаться тут. Это вполне законно. Умоляю вас убедить хозяев «Спутника» разрешить мне пожить здесь туристом в любом месте, куда допускают иностранцев.

Упрямылся я так настырно, что Сандра отвела меня в общежитии университета к администратору «Спутника» – москвичке Рите. Та потребовала тоже моего отъезда, но я упорно доказывал свое право задержаться в России на 20 суток.

Несколько раз мы спорили безрезультатно. Каюсь, что довел Риту до слез. И понял, что у нее нет полномочий удовлетворить мою апелляцию. Неведомые мне начальники Риты не желали позволить туристу-янки разгуливать бесконтрольно по российской территории.

Кончилось тем, что моя тургруппа уехала из СССР, а я непослушно засел в комнате университетского общежития. Оттуда меня позвали в кабинет Риты, где вместе с ней находились двое мужчин сурового облика. Я повторил им свои доводы, но они ничего не ответили, так как не владели английским языком. Они были наверняка офицерами секретной полиции в штатских костюмах. Оба угрюмые, настороженные, крепкотельные. Рита переводила им по-русски мою аргументацию.

Трижды крепыши выходили из кабинета и возвращались. Консультировались, наверное, по телефону с их командованием. Мой случай, возможно, был беспрецедентным. И все-таки обернулся в мою пользу.

Мне объявили, что моя советская турвиза допускает посещение помимо Москвы курортного города Сочи. Кроме Москвы, черномор-

ский Сочи был в те годы тоже дозволенным пунктом для множества интуристов. Приглядка за ними и там осуществлялась полицейски бдительно.

Солнечный Сочи, в отличие от душной по-летнему Москвы, освежали морские бризы. Улицы украшали зеленые аллеи деревьев с густыми тенистыми кронами. Пляж был, впрочем, некомфортабельно каменистым, но тем не менее я плавал и загорал часа по два в день. А потом позади пляжа на скамейке под тентом наслаждался приморским пейзажем. По вечерам гулял в городском саду. Райское местечко!

Беспечное настроение уменьшалось только с наступлением ночи, когда с моря приближались к берегу военные катера. Ослепительные лучи их прожекторов непрестанно шастали по обезлюдившим пляжам. Зачем? Один местный житель ответил мне: «Они выискивают шпионов».

Но ведь шпионы могли бы украдкой доплыть на чем-то сюда по морю, а прожектора катеров вместо освещения прибрежных вод целились наоборот лишь на пляжи. Тем самым мишенью шпиономании были, стало быть, обитатели Сочи?

Однако этот казус никак не мешал моему курортному отдыху. За комнату в отеле я платил баснословно мало – всего 6 рублей в сутки. Питание на мой вкус было неплохое. Купание приятное, солнце ласковое, пляжная публика – добродушная и разговорчивая.

На второй день сочинского кайфа я оказался на пляже рядом с миловидной девушкой. Она забавно, на мой взгляд, прилепила поверх ее носа бумажку от солнечного ожога. А телесный загар девушки был нежно-золотистым. И я не удержался от комплимента на русском языке:

– У вас есть хороший загар.

Она уловила как бы по наитию происхождение моего акцента и ответила по-английски:

– Спасибо. Надеюсь, что и вы получите вскоре черноморский загар.

– Вы русская? – спросил я.

– Да, – подтвердила она с улыбкой.

– Каким же образом усвоили английский язык?

– Полтора месяца назад я окончила педагогический институт иностранных языков.

– Как вас зовут?

– Алла.

– А я Джо.

Мы продолжали беседовать по-английски, и она рассказала мне, что через несколько дней улетит в Москву и будет с 1-го сентября преподавать в школе английский язык.

Юное лицо светловолосой Аллы было типично славянское: овальное, розовощекое, очаровательно чуть-чуть курносое. Когда она улыбалась, ее голубые глаза волшебным образом светились и вызвали у меня ощущение мгновенного праздника.

Она не походила на встреченных мною москвичек. В ее поведении и манерах не было никакого кокетства или деловитой озабоченности. Но был какой-то колдовской магнетизм. Нечто гипнотическое для меня. А коли проще сказать, то это называют обычно любовью с первого взгляда.

Все дни до ее отъезда из Сочи мы провели вместе. Купались, загорали, бродили по городу, рассказывали много друг другу о себе. Я был, как никогда прежде, счастлив.

В наш последний день Алла сообщила мне ее адрес в подмосковном городе Орехово-Зуево. У нее дома, к сожалению, не было телефона.

Без Аллы я осиротел в Сочи. Мне надоели курортное безделье, теплое море, бесцельные прогулки. И я решил тоже улететь в Москву ради новых встреч с Аллой до окончания срока моей турвизы.

Пять дней спустя, купив авиабилет, я приземлился в московском аэропорту Внуково. Никто не знал об этом. Нарушив советские порядки, я рисковал отныне тем, что меня смогут запросто вышвырнуть из России. Но до того я сумасбродно вознамерился любой ценой повидаться с Аллой.

Прямо из аэропорта я поехал в редакцию «Москоу ньюс», пришел к Николаю Глаголеву и поведал ему о моем сочинском знакомстве с Аллой и решении немедленно навестить ее в Орехово-Зуево.

Глаголев сперва растерялся. Однако затем вымолвил:

– Я закончу работу в пять часов вечера. Жди меня на площади перед редакцией возле памятника Пушкину.

В назначенное время мы встретились. Он усадил меня в свой автомобиль и сказал, что я не имею права посетить Орехово-Зуево, ибо этот город расположен за пределами сорокакилометровой зоны от центра Москвы, а туда запрещен въезд иностранцам без специального разрешения столичных властей.

– Будь, что будет, – сказал я. – Помоги мне попасть в Орехово-Зуево.

– Это безумие, – предостерег Глаголев.

– Помоги мне, пожалуйста, прошу тебя, – повторил я.

– Неужели ты осмелишься тайно приехать ночью в незнакомый тебе город?

– Да, да! Сейчас мне негде переночевать в Москве.

Он привез меня в автомашине на Курский вокзал и купил железнодорожный билет до Орехово-Зуева. Уже стемнело, когда подошла к перрону необходимая мне электричка. Входя в нее, я услышал прощальное напутствие моего бесстрашного пособника: «Ну, давай, Джозеф, давай!» И двери электрички захлопнулись.

Сидя в почти пустой электричке, я заученно шептал по-русски адрес Аллы в Орехово-Зуеве: «Улица Фрезерная, дом пять... Улица Фрезерная, дом пять». Но вдруг Аллы не будет сегодня дома? И как бы мне не пропустить остановку электрички в Орехово-Зуеве?

Станционное название этого города на мою удачу я рассмотрел через окошко электрички, и вышел на платформу, где не было никого, кто мог бы подсказать, – куда мне дальше идти. А между тем оставался лишь час до полуночи.

Возле станции стоял пассажирский автобус. Я обратился к водителю:

– Где улица Фрезерная, дом пять?

Водитель ответил мне что-то по-русски, но я ничего не понял. И отошел, чтобы не возбудить у него каких-либо подозрений. Наугад зашагал по вымершим по-ночному улицам, опасаясь наткнуться на полицейский патруль. Под покровом ночи меня сочли бы, несомненно, за американского лазутчика.

Все-таки мне повезло встретить местную горожанку, как оказалось, ткачиху, шедшую домой с вечерней смены на фабрике. Она выслушала меня и объяснила:

– Вы сошли с электрички преждевременно. Фрезерная улица находится за окраиной города, в пригородном поселке Крутое. Там электричка тоже останавливается. А теперь вам придется идти по шоссе вдоль железной дороги до станции Крутое. От нее свернете направо и увидите жилые дома. Вот где найдете Фрезерную улицу. Только будьте все время начеку. На дороге отсюда до Крутого по ночам иногда грабят людей.

Она говорила медленно и внятно, распознав во мне иноземца. Я убедился снова в удивительной русской добросердечности.

И я побрел в крошечной тьме по пыльной, чужой, разбойничьей дороге к моей голубоглазой мечте в захолустном поселке за тысячи миль от Нью-Йорка. Я шел и шел, преодолевая усталость и умственный гнет пережитой нервозности.

В конце концов я увидел сельские домишки и проблески фонарей на деревянных столбах.

Два ряда домостроений и заборов разделяла ухабистая улочка. В ее начале я прочел надпись на фанерной табличке – Фрезерная. И рассмотрел на калитке ограды одноэтажного деревенского дома заветную цифру 5. Ух, слава Богу!

Я постучал по калитке, и во дворе залаяла собака. На крыльцо дома вышла пожилая женщина. Я выкрикнул по-русски: Алла Ивановна дома? Из-за спины женщины появилась Алла, увидела меня и застыла от изумления. Поначалу она как будто приняла меня за ночной мираж. Потом радостно рассмеялась и сбегала с крыльца мне навстречу. И впервые обняла меня. Я испытал прилив восторга библейского пилигрима, нашедшего свой сказочный Грааль.

Алла и ее мать ввели меня в их бедняцкое жилище с низким щербатым потолком и старой обшарпанной мебелью. В первой комнате доминировала большая кирпичная печь, имевшая сверху матерчатый настил для постели. В другой маленькой комнате стояли кровать и этажерка с книгами Аллы. Она принесла таз с водой, мыло, полотенце и помогла мне умыться. Тем временем ее мать вскипятила чай и приготовила неприветливый ужин.

После трапезы мать Аллы легла поспать на кушетке в закутке сбоку от печки. А мы с Аллой еще долго-долго разговаривали тихонько, взявшись за руки. И я сказал, что ради нее пройду опять пешком по любым дорогам хоть на край света.

Продремать остаток ночи Алла уложила меня на ее кровать в маленькой комнате, а сама спала на печке. Застенчивость Аллы и присутствие рядом ее матери анестезировали той ночью мои мужские инстинкты. И без того на меня снизошло наркотическое блаженство.

На следующее утро я с Аллой поехал обратно в Москву. Там у нее были какие-то дела, а мне предстояло пристроиться где-либо в гостинице. Договорились встретиться вечером на Курском вокзале.

До окончания срока моей турвизы оставалось менее недели. Я направился в офис «Интуриста» в здании отеля «Националь» и попросил предоставить мне гостиничное жилье скромной стоимости. Такое обнаружилось в отеле «Украина».

Мне дали в «Украине» малогабаритную комнату, но отобрали мой паспорт на неопределенное время якобы для процедуры регистрации. Сделавшись беспаспортным иностранцем, я подвергся с того дня удвоенной опасности полицейского ареста.

Вечером на Курском вокзале Алла отговорила меня от беспаспортного и повторного нелегального рейда к ней домой в Крутое. Она обещала завтра вернуться в Москву на свидание со мной. И сдержала слово.

Более того, ей удалось добиться казалось бы невозможного. Она пришла в «Украину», где за парадной дверью просторный холл был перегорожен барьером с узким проходом, который охранял страж в униформе швейцара. Он допускал внутрь только постояльцев со специальными пропусками.

Увидев это, Алла дождалась появления группы интуристов, втиснулась в их толпу и прошмыгнула с ними сквозь запретный барьер. А потом негромко постучала по двери моей комнаты.

Полдня мы провели наконец-то наедине. И случилось то, что извечно происходит, когда женщина и мужчина любят друг друга. До сих пор, много лет спустя, я помню до мельчайших деталей те сладостные часы с русской красавицей в московском отеле.

Для наших дальнейших свиданий Алла арендовала простецкую бревенчатую избу в подмосковном селе Быково. Там же Алла преподавала в школе английский язык. Быково находилось, на мое счастье, в пределах зоны, доступной тем иностранцам, которые очутились в Москве.

С московского Казанского вокзала я приезжал в Быково на электричке, одевшись столь же неброско, как мои русские попутчики. Внешне непринужденно, но с оглядкой, шел к нашей избе и ждал в ней прихода Аллы после школьных уроков. Ничто не препятствовало нашей любви.

По вечерам мы даже стали безбоязненно посещать в Быково местный ресторанчик. Его меню было однообразным: суп, хлеб, котлеты, компот. Я согласился бы на такой рацион пожизненно при условии неразлучности с Аллой.

И мы условились – попытаемся пожениться, хотя российские власти ожесточенно противились тогда подобным бракам между иностранцами и советскими гражданами.

Еще до знакомства с Аллой в Сочи я, будучи первоначально в Москве, обедал однажды в кафетерии и оказался за столиком с женщиной, чье млаожавое лицо было почему-то страдальчески заплаканным. Я подумал, что она больна либо ее только что очень крепко обидели. И полюбопытствовал: не могу ли как-то помочь?

Она ответила, что иностранец неспособен оказать ей помощь и может, наоборот, причинить лишь вред.

– Почему? – не поверил я.

Ее краткое объяснение сквозь слезы подтвердило и впрямь мое бессилие в той ситуации. У нее, студентки университета, был роман с немцем, служившим в посольстве Западной Германии. Это обнаружили здешние чины госбезопасности и приказали ей прекратить встречи с немцем. Заслушание пригрозили выгнать из университета.

Но она встретила опять с возлюбленным. И тогда ее подвергли полицейским допросам с тройной угрозой – изгнать из университета, выслать из Москвы в отдаленную местность и тем самым надолго разлучить с отцом и матерью. Терроризированная москвичка подчинилась госбезопасности.

Точно так же, как я предвидел, поступят с Аллой. Плачевность ее участи усугубляло адобавок то, что она была комсомолкой. А потому ей подстроили бы скандальное исключение из комсомола с последующим табу на учительство в школах. Общий итог: ссылка, насильный отрыв от матери, лишение права на умственный труд, репрессивное одиночество неведомо где, под присмотром полиции.

Как говорят русские, беда не приходит одна. Истек срок моей турвизы. Тем не менее я не покинул комнату в «Украине» и принялся давать денежные взятки дежурной наблюдательнице за порядком на моем гостиничном этаже.

Обходил незаметно стороной бюро регистратуры отеля. Там все еще удерживали мой паспорт.

А без паспорта я не мог вместе с Аллой хотя бы предварительно ходатайствовать о нашей будущей женитьбе. Ее разрешить или запретить был волен советский департамент с замысловатым названием «Запись актов гражданского состояния». Сокращенно – ЗАГС.

Но, потребуя я в «Украине» вернуть мне паспорт, то вряд ли успел бы дойти до ЗАГСа. Меня бы тут же задержали из-за незаконно просроченной визы, позвали бы полицию и могли отконвоировать сходу в аэропорт.

Сентябрьским утром в Быково я пробудился спозаранку, когда Алла еще спала. Мне не хотелось ее беспокоить. Я молча глядел на родное, милое, безмятежное лицо. Внутренний голос подсказал: «Смотри и запоминай». Близкое расставание было уже неотвратимо. Но смириться с этим я не желал. Перед уходом из избы оставил записку: «Вернусь вечером».

В московской «Украине», едва я появился на своем этаже и подошел к двери моей комнаты, как сразу коридорная дежурная подняла трубку телефона и набрала какой-то номер. Раньше такого не было. Мои визитки ей значит перестали действовать. Войдя в комнату и открыв мой вещевой саквояж, я увидел, что его обыскивали.

В комнате забренчал телефонный звонок. Я поднял трубку, сказал: «Алло». В ответ — ни звука. Потом щелчок. Где-то повесили трубку. Я понял: началась охота за мной.

Спустившись на первый этаж в холл, я заметил, как встрепенулись четверо мужчин, сидевших рядком в креслах. Четверка уставилась на меня цепкими глазами сторожевых доберманов. Однако они не накинулись на меня, не взяли под арест. Всего-навсего зорко наблюдали за мной, держась на небольшом расстоянии. Зачем?

Озадаченный их игрой, я подошел в холле к застекленной витрине, где были выставлены сувенирные матрешки и украшения из янтаря. Толстое стекло витрины отражало, подобно зеркалу, все позади моей спины. Включая четверых соглядатаев. Они по-прежнему не проявляли никаких намерений задержать меня.

Это проверяя, я вышел из «Украины» и как бы замешкался в раздумьи. Преследователи рассредоточились вокруг меня. Слева один из них неторопливо достал из кармана пачку сигарет и закурил. Справа второй вошел в телефонную будку, симитировал разговор с кем-то, но не спускал глаз с меня. Двое остальных сели в припаркованную перед отелем автомашину. Подстраховались, очевидно, на тот случай, если я возьму такси.

Стало ясно: им заказан не мой арест, а плотная слежка за мной. Меня приняли, черт побери, за американского шпиона. Мои частые и продолжительные отлучки из гостиницы в неизвестных им направлениях расценили, вероятно, как секретный обход агентурных явок. По-

мимо разоблачения шпиона, прикинувшегося туристом, потребовалось сначала выследить его агентурную сеть.

Такая паранойя контршпионажа вполне соответствовала тем временам «холодной войны». И в Соединенных Штатах все тогдашние визитеры из СССР тоже вызывали подозрение спецслужб, тотальную слежку, прослушку телефонных переговоров, тайную проверку знакомств с американцами. Вот и я поплатился за безнадзорные метания по Подмоскovie.

Что же было делать? Приставленные ко мне сыщики КГБ не вняли бы, конечно, моим оправдательным речам о дружеском отношении к России. В их понимании, я – коварный враг. А посему предстояло как угодно уберечь от них Аллу. И не предав ее им, повидаться с ней для обсуждения самого главного для меня – как спасти нашу любовь.

В английском и русском языках есть идентичный термин – «игра в кошки-мышки». Это, впрочем, звучит по-английски слегка иначе – «игра кошки с мышкой». То есть смертельная игра один на один. Но за мной кралась четыре кошки. Понадеявшись все-таки ускользнуть от них, я замыслил обманный трюк: сыграть роль обреченной мышки, которая уже не способна решиться на побег.

Отойдя неспешно от здания «Украины», я спустился в подземный переход и вынырнул на противоположной стороне Кутузовского проспекта. Зашел в харчевню под вывеской «Столовая». Здесь я обычно питался. И по привычке стал в очередь самообслуживания.

Взял поднос, вилку, ложку и уплатил за каждодневные тут блюда – суп, мясные биточки с макаронами, кисель, хлеб. Перенес их на подносе к свободному месту у одного из столов, но лишь изобразил будто занялся едой: аппетит напрочь отшибло. За окнами «Столовой» прохаживались по тротуару мои «хвосты».

Через полчаса я вышел на проспект и свернул в переулоч. Двое «хвостов» последовали за мной. Остальные в автомобиле куда-то запрятались. Пеший агент плелся сзади меня, а его напарник шагал по другой стороне переулка. Попеременно они сменяли друг дружку.

Я увидел башмачно-ремонтную мастерскую и зашел в нее. Волыня время, попросил сапожника починить мне стертые каблуки. Сапожник предложил подождать и выполнил мою просьбу час спустя. За окошком его мастерской слонялись скучливо оба «хвоста».

Расплатившись за каблуки, я продолжил свое бродяжничество. Попал на Киевскую площадь и узрел там вход на станцию метро. Фойе метростанции обрадовало меня многолюдьем. Оно сулило шанс юркнуть

в гущу толпы и смыться от сыщиков. Однако они прилипли ко мне, как только я приобрел в кассе метро входные пятикопеечные монеты.

Затем я вступил на длинный эскалатор, опускавшийся вниз, и побежал по его ступеням, увеличивая дистанцию между мной и «хвостами». Они слегка отстали, но не настолько, чтобы я успел добежать без них до метропоезда и умчаться в нем от слежки.

Тем не менее я догадался как перегнать их иным способом: в конце спускавшегося эскалатора вскочил на такой же соседний, но поднимающийся вверх. И опять побежал по ступеням вверх. А сыщики еще спускались и злобно взирали на меня.

Потом и они переметнулись на поднимающийся эскалатор и тоже запрыгали по нему вверх. Тем временем я заново взшел на спускавшийся эскалатор и понесся бегом вниз. Мимо меня промелькнули скачущие вверх агенты. Один из них уже выдохся, вспотел, побагровел. Его опередил второй охотник за мной.

Обоих не было, когда я влетел с разбегу в вагон метропоезда. Я возликовал. Но зря! За миг до закрытия дверей вагона туда ввалился запыхавшийся передовик гонки за мной. Он плюхнулся на сиденье неподалеку от меня. Его воспаленные глаза пылали свирепым гневом.

На остановке метропоезда я вышел на платформу и двинулся по ней понуро, переставляя ноги еле-еле и показывая наглядно свою капитуляцию. За мной шел тоже утомленный агент. Он, видимо, думал, что победил, и потому обмяк, проморгав секундный момент, когда двери метропоезда начали смыкаться, а в их щель я проскочил молниеносным рывком.

Поезд поехал, даруя мне заведомо краткую передышку в беспощадной игре своры кошек с американской мышкой.

На следующей остановке я перешел на другую станцию, изменив свой маршрут. Вышел из подземки на площадь у Казанского вокзала. Удостоверился в отсутствии слежки. Сел в электричку, покатившую в Быково.

На перроне вокзальчика Быково я увидел Аллу. Она пришла туда, не дождавшись меня в нашей избе. Ведь я петлял по Москве с моими «хвостами» более трех часов. Алла, предчувствуя что-то дурное, разволновалась:

- У тебя какие-то неприятности?
- Да, большие неприятности, – признался я.
- В чем дело?
- За мной была слежка. Я долго избавлялся от нее.
- Почему?

– Чтобы следившие за мной агенты госбезопасности не обнаружили тебя.

– Но ты поступаешь неправильно, – сказала Алла. – Лучше попросил бы продлить твою просроченную визу.

– Ее не продлят. Я уверен в этом стопроцентно.

Пришлось умолчать о том, что меня заподозрили в шпионаже. Я не хотел вызывать у Аллы панический испуг. Постарался успокоить ее:

– Насчет продления визы я последую твоему совету, хотя он, по моему, невыполним. Предвижу, что завтра меня выдворят отсюда. Но все равно я изыщу возможность вернуться к тебе. Верь мне. И жди меня. Я буду слать тебе письма. А завтра приезжай к восьми часам вечера на Казанский вокзал. Там мы попрощаемся, если это мне удастся.

Она обмерла и побледнела. Я расцеловал ее. И вскоре вошел в электричку, уезжавшую в Москву. До отъезда стоял в тамбуре вагона и глядел на Аллу, застывшую неподвижно на перроне.

Тем утром в холле гостиницы меня обступили трое новых агентов. Они уже не разыгрывали слезку. Троица составляла группу принудительного сопровождения.

В бюро регистрации я высказал просьбу продлить мою туристическую визу на неделю. Это отвергла наотрез сотрудница бюро. Она вернула мне паспорт и чеканным голосом произнесла, что я должен сейчас же отправиться на улицу Горького в ОВИР – государственный Отдел виз и регистрации. После чего рядом с ОВИРОм надлежало мне получить в офисе «Интуриста» заготовленный там для меня железнодорожный билет на экспресс Москва-Берлин.

В сопровождении агентов я доехал на метро до улицы Горького, именуемой ныне Тверской. В помещении ОВИРа чиновники взяли мой паспорт и отштамповали в нем визу на выезд из СССР. Это заняло 15 минут. Необычная бюрократическая поспешность означала, что моя судьба загодя предрешена.

В офисе «Интуриста» столь же срочно меня снабдили билетом на поезд, который в тот день отбывал в Берлин вечером в 11 часов 30 минут. А дабы я не вздумал протестовать, работница «Интуриста» очень быстро провела меня в кабинет к двум мужчинам грозного вида. Их добротные штатские костюмы в сочетании с воинской выправкой позволили опознать высокопоставленных офицеров секретной полиции. Главный из них обратился ко мне:

— Как нам известно, вы знаете русский язык. Я представитель советской власти. Объявляю вам, что вы должны покинуть нашу страну в течение 24 часов.

Я вышел на улицу духовно опустошенным. За что меня так жестоко наказывают? Мой единственный невинный грех здесь — любовь к русской женщине и стремление уберечь ее от полицейских когтей. Я ничем не навредил советской власти. Да и вообще, любая государственная власть не вправе разлучать меня с Аллой. Это возмутительно, преступно! Мою жизнь калечат только за то, что я американец. У меня, свободного человека, отнимают свободу любить и быть счастливым...

Так размышляя по-американски в самом центре советской столицы, я превозмог упадок духа и настроился вновь на посильное мне заключительное противодействие полицейскому всевластию. А тем временем трое агентов шли за мной по пятам. Они подступали ко мне все ближе и ближе, потому что уже начались вечерние сумерки.

На улице Горького я миновал серую глыбу Центрального телеграфа и свернул налево в примыкавший к нему Газетный переулок. Прошагал еще пару кварталов. Вышел на улицу Герцена, теперешнюю Большую Никитскую. Двинулся к Манежной площади. Не дойдя туда, увидел неосвещенную подворотню и попал через нее на обширный темноватый двор.

За мной вошли во двор два надсмотрщика. Напоказ им я, прислонясь к стене дома, справил малую нужду. Агенты отступили выжидательно в подворотню. В ту же минуту я бросился в глубь двора в надежде найти какую-нибудь лазейку на волю. Но ее нигде не было.

Проклятый двор вился кишкой в лабиринте соединенных зданий и оканчивался тупиком — бетонной стенкой ограды высотой свыше трех метров.

Уткнувшись в тупик, я разглядел там среди мусора пару грязных ящиков из неотесанных досок. Поставил ящик на ящик и взобрался на них. Они затрещали и могли вот-вот развалиться. Но даже с них было невозможно дотянуться до верхушки бетонной ограды. А если подпрыгнуть, то только один раз, вслед за чем хлипкие ящики несомненно обрушатся.

В баскетбольном прыжке я ухватился пальцами за край ограды, подтянулся и взобрался на нее. Второй прыжок вниз получился менее удачным: я расшиб левую ногу. Прихрамывая, посеменял по Ни-

китскому переулку заново к улице Горького. Спустя несколько минут зашел в метро и доехал до Казанского вокзала.

Прощальное свидание с Аллой было грустным и недолгим. Немного утешало лишь то, что мои преследователи ничего не разнюхали об Алле. Ей не грозило возмездие за нашу любовь. Мы были еще так молоды и оптимистичны, что грезили по-прежнему о будущей совместной жизни. И разговаривали об этом. Я поклялся возвратиться за Аллой в Россию.

Вернувшись в «Украину», я поехал с очередной свитой агентов на Белорусский вокзал. Когда мой поезд тронулся, ночные огоньки московских окраин замелькали в окошке купе. Но мне виделось другое: Алла едет в электричке, идет в Быково к нашей избе, входит, пьет чай с печеньем, глядит на фотографию, где мы вдвоем стоим, взявшись за руки, на пляже в Сочи.

Это видение потом снилось мне по ночам вдали от России.

Возвращение в Россию

Приехав московским поездом в Восточный Берлин, я отправился к пункту полицейской охраны прохода в пограничной «берлинской стене». Предъявил свой американский паспорт и вступил на Фридрихштрассе в Западном Берлине. Но далее не полетел из Германии домой в Нью-Йорк.

Мне хотелось задержаться в Европе, чтобы не удаляться еще больше от Аллы и ухитриться как-нибудь попасть отсюда обратно в Москву. Ради этого я запланировал временно обосноваться в Дании.

Еще два года назад, после моего участия в европейских киносъёмках голливудской «Клеопатры» и нескольких итальянских фильмов, мне подвернулась подходящая работенка в датском Копенгагене. Там я устроился спортивным тренером в фитнес-клубе «Рома». Его клиентами были немолодые мужчины и женщины, желавшие сбросить лишний вес и приобрести хорошие фигуры. А я приобрел хороший заработок.

По пути в Копенгаген моими соседями в купе поезда оказались двое – датчанка и студент-цейлонец. Они сидели напротив меня. И вот минут через 20 после отъезда от вокзала студент придвинулся вплотную к женщине и стал, как выражаются русские, «лапать» ее. Она же отпрянула от наглеца и забилась в угол. Однако он продолжал приставать к ней.

Пришлось мне вмешаться:

– Отстань, сукин сын, от нее! Ведь видишь, что она отвергает твое хамство.

Он увидел также, что я намного сильнее его. Отодвинулся от женщины и больше не докучал ей. Она поблагодарила меня. И потом разговорилась со мной.

Ее звали Карэн Нилсен. Она ехала в Копенгаген погостить у матери и отца. Они были активными деятелями компартии Дании. Дочь разделяла политические убеждения родителей. Она работала в Москве на государственной радиостанции, вещавшей на множестве иностранных языков, включая датский. Карэн вышла замуж за русского, но ему не позволили вместе с ней навестить в Дании семью жены. Семью коммунистов!

Что же будет со мной и Аллой, расстроился я, коли московские власти дискриминируют даже преданных им своих и зарубежных коммунистов-супругов?

В Копенгагене отец и мать Карэн встретили ее на вокзале. Они пригласили меня пообедать у них. Позже Аксель Нилсен предложил мне пожить некоторое время в их доме.

70-летний Аксель был очень крепкий старик, занимавшийся со мной по утрам энергичной физзарядкой. Его спортзакалка и коммунистическая одухотворенность помогли ему выжить в пору оккупации Дании гитлеровцами, когда гестапо загнало Акселя в концлагерь.

Он всегда незыблемо верил, что коммунизм восторжествует повсюду. Его веру не подорвал и запрет на приезд к нему русского зятя.

Я возобновил работу тренером в копенгагенском финтес-клубе. Жизнь в датской столице была благоустроенной, бестревожной, отдохновенной. Только мысли об Алле не давали покоя. Психически я испытывал постоянную боль, которую именуют по-русски коротким словом – «тоска».

Мою опечаленность заметил Аксель, спросил о ее причине, и я, видя его искреннее сочувствие, рассказал ему немного о разлуке с любимой девушкой в России.

Вскоре Аксель принес и показал мне газету датской компартии «Ленд ог фолк». В ней напечатали объявление с призывом к местным коммунистам и социалистам сформировать делегацию для платной турпоездки в СССР на празднование 7 ноября 47-летия революции большевиков.

Аксель сказал, что может, используя авторитет в компартии, включить меня в список делегатов, которым даст советское посольство в Копенгагене коллективную въездную визу. Это я воспринял как чудо! Коллективная виза посольства для датских коммунистов спасла меня накануне поездки от вмешательства московского КГБ. Так все прекрасно и сбилось.

29 датчан и единственный среди них американец прилетели в Москву студеным вечером, за пять суток до юбилейного праздника. Нас встретила в аэропорту русская переводчица, говорившая по-датски. Отобрала у всех паспорта, усадила в автобус и привезла в гостиницу «Москва».

По расписанию тура нам предстояло завтра утром улететь из Москвы на три дня для традиционного развлечения интуристов в курортном Сочи. Еще в полете из Копенгагена я приготовился использовать первую ночевку в Москве прежним образом: съездить секретно в Быково к Алле.

В отеле нас расселили по комнатам попарно. Моим сотоварищем оказался Фрэнк Карлсен, датский сапожник, добродушный парняга с улыбчивой физиономией. Он понравился мне. Я понадеялся, что Фрэнк не донесет властям о моей ночной отлучке.

Вынужденная спешка побудила меня не присутствовать на коллективном ужине. Но это я смог бы объяснить завтра тем, что меня сморила моя дорожная усталость.

На первом этаже гостиницы «Москва» был подвальный вход в метро. Туда я спустился и доехал до Казанского вокзала. От него на электричке – в Быково. Там я очутился уже в ночной мгле после 10 часов вечера. Но отчетливо помнил дорогу к избушке, арендованной Аллой.

Шел по осенней слякоти, ежась от холодного ветра. Скелеты уличных деревьев уже утратили листву. Зато я радостно избавился от русской тоски.

Однако возле избы испытал внезапный шок разочарования. На запертой двери висел железный замок. Ставни окон были наглухо захлопнуты. Я стучал по ним, но совершенно безответно. Внутри никого не было. И вообще изба выглядела необитаемой.

В горячке отчаяния я все-таки вспомнил: два месяца назад Алла мельком посетовала, что с приходом зимы захудалая изба промерзнет, и тогда Аллу приютит, возможно, ее приятельница в соседнем утепленном домике. Подойдя к нему, я увидел неяркий свет в одном оконце.

На мой стук по окну возник за стеклом женский силуэт. Незнакомый голос откликнулся:

– Кто там стучится?

– Я ищу Аллу Ивановну. Она здесь?

К стеклу приникло лицо второй женщины, по которой я безумно истосковался. Она спросила:

– Кто там?

– Это я, Джо.

– Ой, дорогой, ты вернулся!

Она открыла дверь и впустила меня в полутемную прихожую. Мы обнялись. Я целовал любимое лицо, шею, волосы, ее трепетные руки. Позади Аллы смущенно разглядывала нас пожилая женщина.

Алла шепнула:

– Ты явился надолго?

– Нет, к сожалению.

– Ладно, пойдем туда, где побудем вдвоем, не стесняя никого.

Она надела пальто и вывела меня на безлюдную улицу. Рука об руку мы дошли до вокзального здания небольшого аэродрома. В пассажирском зале ожидания сели на скамейку. Неподалеку дремали застрявшие тут путники, не обращая на нас никакого внимания. Иного укромного места для нашего свидания не нашлось.

Обнявшись, мы рассказывали о прожитых порознь днях и неделях. Алла говорила об учительстве в школе. Я пересказал ей свою историю заезда в Копенгаген и знакомства с датским коммунистом, который помог мне возвратиться сюда в обход моих бдительных недругов из КГБ.

– Они не досаждали тебе? – побеспокоился я.

– Ничего такого не было, – ответила Алла.

Я сообщил, что вынужден утром улететь с тургруппой в Сочи и не знаю еще точной даты возврата в Москву, о чем извещу Аллу заранее по почте.

Сказал и об изъятии снова моего паспорта. Это выслушала она безмолвно. Никак не отреагировала на вторичный крах нашего замысла отправиться вместе в советский ЗАГС.

Мы бессловесно уже осознали иллюзорность прежних радужных планов. И просто наслаждались теперь каждой минутой запретного свидания. Не желали сегодня заглядывать наперед в роковое будущее нашей любви.

В пять часов утра я проводил Аллу к дому ее подруги, пошел на железнодорожную станцию и поехал в Москву на первой утренней электричке. Боялся не успеть к отбытию датчан из отеля в аэропорт.

Когда я подбежал к парадному подъезду гостиницы, то увидел, что датчане уже садятся в автобус. А его багажник загружен их чемоданами. Опоздай я еще на пять минут, угодил бы в лапы полиции без паспорта, визы, авиабилета.

В холле отеля у стойки регистратуры стояла русская опекунша нашей делегации и говорила с кем-то по телефону визгливым тоном. Увидев меня, она утихомирилась и буркнула что-то в телефонную трубку. Доложила, очевидно, куда следует, о появлении ночного беглеца.

Она ужалила меня колким взглядом и раздраженно ткнула пальцем в лежащий на стойке мой саквояж. Схватив его, я вскочил в автобус.

Пока ехали в аэропорт, датчане поглядывали на меня с откровенным осуждением. А впоследствии подвергли негласному бойкоту. Гид-переводчица вела себя таким же манером. И даже не ответила на мой вопрос о дне обратного перелета из Сочи в Москву.

Только мой вчерашний компаньон Фрэнк Карлсен держался дружески. От него я узнал, что мы вернемся в Москву 6 ноября. Он добавил:

– Когда обнаружилось ваше отсутствие в отеле, то многие делегаты высказались неодобрительно о присоединении к ним странного американца.

В Сочи разместили тургруппу в гостинице опять попарно. Однако мне дали отдельную комнату в коридорном отсеке, где соседние комнаты пустовали. Их наружные балконы примыкали к моему.

Ночью я проснулся от скрипа балконной двери и увидел за ней тень человеческого роста. Я включил электросвет, и призрак покинул мой балкон. Кто-то убедился, что я лишь в Москве разгуливаю, как лунатик, по ночам.

Затем я подвергся дневной проверке: в саду отеля подошла ко мне пышнотелая путана и напрямик предложила на английском языке повеселиться с ней. Я отказался. А вслед за ней возник мужчина средних лет, подпольный спекулянт или полицейский провокатор, который возжаждал купить мою рубашку, сводить меня в ресторан, угощать водкой и коньяком. Учув ловушку, я не клюнул на приманку.

И все-таки глупо сплеховал! Опустил в почтовый ящик гостиницы адресованную Алле открытку: «Встретимся 6 ноября в восемь часов

вечера на станции Быково». Моя открытка, как выяснилось потом, была извлечена шпиками из почтового ящика и дала им по моей вине полицейскую наводку на Аллу.

Улетая из Сочи с датчанами в Москву, я, простофиля, не предполагал, что моя почтовая беспечность губительно аукнется Алле.

В Москве наша тургруппа поселилась в отеле «Берлин». Окрестные улицы центра столицы выбелил снег. Красные флаги алели на фасадах домов вперемежку с багряными полотнами лозунгов во славу юбилея компартии. Вожди ее Политбюро на их колоссальных уличных фотопортретах взирали торжественно на москвичей, предвещая тоже завтрашний праздник.

Но другим был мой настрой: как бы украдкой выбраться из гостиницы и попасть в Быково не позднее 8 часов вечера. Для этого я мог воспользоваться в здании «Берлина» двумя выходами – парадным и боковым.

Однако парадный выход перекрыли мне трое агентов с автомобилем наготове. А боковой блокировали двое пеших сыщиков. Этих «хвостов» я предпочел как наименьшее зло.

Позади меня они вошли на метростанцию «Площадь Революции». В метро я решил не повторять устаревший фокус с беготней по эскалаторам. Требовалось изобрести что-то новое. Но на подъезде к метростанции Казанского вокзала мои «хвосты» сами отвязались почему-то от меня. Возникло тревожное предчувствие непредугаданной беды.

В электричке я не заметил каких-либо признаков слежки. Приехал в Быково вовремя. Но на платформе не было Аллы. Вместо нее меня поджидал один из московских «хвостов»!

Я заскочил опять в электричку, а «хвост» не последовал за мной и неподвижно наблюдал как поезд отбыл из Быково. Я занервничал: что происходит?

После отъезда из Быково я вышел на второй остановке электрички и через десять минут сел в поезд обратного направления. Вернулся в Быково и не увидел на перроне ни агента, ни Аллы.

В недоумении вступил на пристанционную площадь и остолбенел: там стояли в едином строю три черных лимузина, а перед ними – шестеро мужчин в одинаковых чернокожаных пальто. Все чернецы смотрели на меня пристально, по-волчьи хищно. Жертва их охоты попала наконец-то в западню.

И только тут меня осенило: моя сочинская почтовка Алле была перехвачена и нанесла нам непоправимый урон фатальным ударом бумеранга.

Горечь поражения пронзила меня. Но не сломила волю к сопротивлению. Попав в охотничий капкан, я попытался, как раненое животное, обороняться до последнего вдоха. Отпрянул стремительно от шестерки агентов и побежал назад к станционным платформам. Агенты последователи за мной столь спокойно, как будто знали, что я от них уже не спасусь.

На станции Быково был пешеходный туннель под рельсами и перронами для электричек, приехавших из Москвы и ехавших вспять. Вбегая в туннель, я увидел поезд, прибывший из столицы. Его пассажиры спускались в туннель, а я столкнулся с ними.

И застыл от изумления – навстречу мне шла Алла с тяжелой продуктовой сумкой! С того волшебного момента я верю в спиритическую силу телепатии, в интуитивную взаимосвязь породненных душ.

Алла увидела меня и чернокожанных «хвостов» позади. Поравнялась со мной и произнесла скороговоркой:

– Они все разузнали. Выведали все о тебе.

Я тихо сказал:

– Завтра после полудня буду ждать твоего телефонного звонка в гостинице «Берлин».

Назвал номер моего телефона, и мы мгновенно разошлись.

Я выбрался из туннеля на платформу и был сразу же остановлен тремя милиционерами. Один заявил мне:

– Вы арестованы за нарушение 40-километровой зоны для иностранцев вокруг Москвы.

Эта придирка была отчасти резонной: хотя Быково находилось внутри доступной иностранцам зоны, но ведь я менее часа назад отлучался отсюда на электричке и мог пересечь границу полицейской зоны.

Милиционеры обступили меня и повели на пристанционную площадь. Чуть поодаль шли шестеро агентов. Вдруг к нам метнулась Алла:

– Освободите его! Он не сделал ничего плохого.

В итоге она оказалась со мной в милицейском участке. Туда же вошли агенты. Меня начали допрашивать, а ее выпроводили в соседнее помещение. Оттуда раздались пронзительные крики Аллы. Она кричала так душераздирающе, что было ясно – ее бьют.

Я кинулся к ней на выручку, но агенты и милиционеры скрутили меня и притиснули к сиденью стула. Навалились гуртом мне на пле-

чи, заломили руки. А когда крики прекратились, офицер милиции умышленно очень долго писал протокол о моем задержании. Избитую Аллу они уже отпустили, чтобы я не смог доказательно засвидетельствовать их изуверство.

Кучка агентов проводила меня до электрички. Один из них зашел со мной в вагон и уселся там на изрядном расстоянии. Нас разделяли несколько рядов скамеек, занятых людьми. Не будь их, я бы переломал кости этому негодяю.

С Казанского вокзала я добрался на метро до Площади Революции и пошел по ней к гостинице «Берлин». Площадь была по-ночному пустынной. Только агент шагал за мной на дистанции метров тридцати. Я развернулся и побежал к нему, сжав кулаки для рукопашного поединка. Но агент драпанул от меня к метростанции, где прохаживался по тротуару постовой милиционер. К нему подлетел трусишка и что-то пролепетал, указывая на меня. Так я не смог отомстить за Аллу. И поковылял в отель, матерясь лихорадочно по-английски.

7 ноября все участники датской делегации ушли на Красную площадь с пригласительными билетами на праздничный парад. И я пошел бы, если бы вчера не отравили мне праздник истязанием Аллы в Быково.

Остался в отеле и ждал ее телефонного звонка. Она позвонила мне, несмотря на вчерашний кошмар. Русские женщины, видать, самые отважные. Мы договорились увидеться вечером в кинотеатре «Россия».

За мной тащились до «России», как обычно, два «хвоста». Но уже не было никакого смысла скрывать от них свидание с Аллой.

Встретив ее у кинокассы, я не заметил на любимом лице синяков от побоев. Каким же измывательствам подвергли ее — не стал спрашивать, чтобы она не расплакалась.

В кинотеатре показывали довольно нудный фильм про космос. Зал был малолюднен. Мы сели в последнем ряду. Перед нами расположилась лишь пара лже-зрителей — мои «хвосты». Громкий звук экранных голосов и музыка мешали агентам подслушивать наши разговоры.

Алла подтвердила, что не получила моей открытки из Сочи. Она рассказала, как три дня назад пришли к ней в школу офицеры контрразведки и принялись допытываться: «Кто такой американец Маури? Как он связался с вами? О чем он говорит? Какие вопросы задает?»

Офицеры побывали также в отделе кадров школы и обследовали служебное досье Аллы. Они отправились в поселок Крутое, посетили дом Аллы и ее матери, опросили соседей. У них дознавались: с кем общается Алла, кто ходит к ней в гости, как по ночам проникает сюда американец?

Под конец расследования контрразведчики, видимо, убедились, что я не шпион. Аллу спросили:

– Вы, кажется, любите этого американца?

– Он мой друг, – ответила она. – И это мое личное дело.

– Нет, не личное, – объявили ей. – Ваше поведение подрывает устои советского общества. Мы официально требуем прекратить ваши порочные отношения с гражданином США. В противном случае пеняйте на себя. Мы защищаем государственные интересы и можем обуздать вас крайними мерами.

Их «крайние меры» начались с полицейского битья. А каково будет, ужаснулся я, дальнейшее продолжение? Как еще пострадает Алла за наше сегодняшнее свидание? Моя любовь обернулась для нее несчастьем. Избавление от него – наша разлука. Но это было тогда для меня почти равнозначно самоубийству.

Мы вышли из кинотеатра с похоронным настроением. Алла решила поехать в Крутое к матери. Только мать могла, вероятно, утешить ее хоть немножко. Я проводил Аллу на Курский вокзал. Держал за руку до посадки в электричку.

Вагон, куда вошла Алла, имел одно разбитое окно. Через него мы опять сомкнули ладони, сблизили лица, смотрели нежно глаза в глаза. А когда поезд тронулся, Алла сорвала у меня с головы шапку-ушанку из искусственного меха. Я догадался, что она, прощаясь со мной навсегда, взяла мою вещицу на память.

Ее женское чутье было безошибочным. Утром я по вызову администрации отеля спустился в холл первого этажа. Там подошли ко мне трое агентов и сотрудница администрации. Она приказала:

– Упакуйте ваши вещи. Вас отвезут сейчас в аэропорт.

Когда я, взяв саквояж, вернулся в холл, агенты вывели меня из гостиной и посадили в их черный автомобиль. На заднем сиденье два конвоира сдавили меня меж ними. Они не вымолвили ни слова до аэропорта «Внуково». Там сунули мне оплаченный ими авиабилет и доставили к трапу самолета «Финэйр», улетавшего в Хельсинки.

После взлета стюардесса, взглянув на меня, озабоченно поинтересовалась:

– Вы чем-то больны?

– Нет, – ответил я. – Всего лишь наказан на любовь.

Она непонятливо вздернула брови и отошла, сочтя меня шутилым чудаком.

Я приник к иллюминатору, глядя вниз на бескрайние снежные поля. От них веяло таким ледяным холодом, что показалось зябко даже в теплом салоне авиалайнера. Прощай, Россия, безжалостная снежная королева! Прощай, Алла.

22 года спустя

В Нью-Йорке я месяц за месяцем слал Алле письма и небольшие посылки с разными сувенирами. Но ни разу она не откликнулась. Потому что ничего, конечно, не получила от меня. Почта была в те годы одним из невидимых фронтов «холодной войны».

Алла снилась мне часто, но не так успокоительно, как раньше. Теперь я, заснув, шел лунной ночью по пыльной дороге снова к поселку Крутое. Видел смутно впереди фигурку белокурой девушки. Бежал к ней, но она удалялась от меня и исчезала за воротами деревенской изгороди. Я открывал ворота, но нигде не видел ее, искал в потемках, рыскал повсюду, задыхался... и пробуждался от бешеного сердцебиения.

Хотя у меня грабительно отняли мою любовь, это не разожгло огульной злобы ко всему в России. Я запомнил уличную приветливость простых москвичей к незнакомому им американцу. Не забыл, как советский газетчик из «Москоу ньюс» рискованно помог мне пренебречь полицейскими запретами. Помнил щедрую доброту ткачихи в ночном Орехово-Зуеве. Все эти русские люди, по-моему, олицетворяли Россию гораздо больше, чем ее секретная полиция.

Вместе с тем безвозвратная потеря Аллы надломил меня и как бы заморозила изнутри. Еще несколько лет в Нью-Йорке я актерствовал и подвизался в спортклубах, однако работал уже без всякого вдохновения, механически, вяло, ради лишь прожиточных заработков. Они становились все меньше, что перестало меня волновать.

Постепенно приспособился покупать самые дешевые продукты и низкосортную одежду, которую привык подолгу использовать до полного износа. Об этом постороннее мнение стало мне безразлично.

Заодно опостылели общепринятые развлечения – кино, мюзиклы, телевидение. Зажил совсем не по-американски: без телевизора, без телефона. Осталось, впрочем, старое пристрастие к исторической литературе, небульварным газетам и книгам о России. Эти книжки сохраняли мои московские воспоминания, но они все-таки увядали неумолимо от роста их давности – 10 лет, 15 лет, 20 лет.

Из туманной дали многолетнего прошлого всплывал блекнувший облик Аллы и возрождал у меня примерно такую же боль, которую чувствует иногда инвалид в части его тела, ампутированной давным-давно.

20 лет спустя после разлуки с Аллой я зарабатывал по-бедняцки только на пропитание и оплату аренды маленькой комнаты. Трудился улаковщиком и грузчиком газет в типографии «Нью-Йорк таймс».

Район моего жилья подвергся поэтапной джентрификации: малоденежных арендаторов выселяли из их комнат, освобожденные помещения превращали в дорогие квартиры и сдавали богатым горожанам. Меня выселили дважды. А весной 1985 года известили о предстоящем третьем выселении.

В апреле 1985 года на манхэттенском Вест-Сайде я получил письменное уведомление о выселении меня не позже 31 мая из комнаты пятиэтажного дома на 70-й стрит. Уведомление подписала домовладелица Дениз Собел. Ее отец Эдмунд Литтлфилд, финансист-миллиардер, числился в перечне 400 богатейших американцев в «Справочнике Форбса».

Замужняя дочь миллиардера владела домами в Нью-Йорке и штате Коннектикут. В принадлежавшей ей пятиэтажке, где обитал я, миссис Собел очистила от малоимущих квартирантов уже 22 комнаты. Я стал одним из последних жильцов, обреченных ею на изгнание.

Впервые в моей жизни я попытался воспротивиться американскому всемогуществу больших денег. Отправил письма с просьбами защитить меня наиболее влиятельным персонам Нью-Йорка – мэру Кочу, кардиналу О'Коннору, главному раввину синагоги, чьей прихожанкой была домовладелица Дениз Собел. Но мои петиции остались безответными.

Обратился также в городской суд. Однако судейская коллегия по проблемам домовладения единогласно постановила, что миссис Собел имеет право выселить меня. И на исходе лета явился ко мне офицер спецполиции по насильственному выселению. Он сказал,

что мне дана отсрочка до ноября, а затем, если я не подчинюсь приговору суда, то меня силком вышвырнут из моей комнатенки на улицу.

Вслед за тем миссис Собел объявила мне злорадно:

– Таким, как ты, место в ночлежке для бездомных!

Бездомных было тогда в Нью-Йорке 60 тысяч. В трущобных убежищах для них им предоставляли на ночь только койку. А днем они бродяжничали по городу, попрошайничали, питались чужими обедами.

Пришлось мне перед выселением избавиться поневоле от своего единственного достояния – накопленных двух сотен книг. Я вынес их на тротуар и раздал случайным прохожим. Оставил лишь матрац и целлофановую кошелку со сменой белья.

Однажды кто-то постучал в мою дверь. Я опасливо посмотрел в дверной глазок, предчувствуя приход полиции. Но за дверью стоял незнакомец в штатском. Приоткрыв дверь, я настороженно просил:

– Что вам угодно?

– Меня зовут Иона Андронов, я журналист, – произнес он по-английски с таким специфичным акцентом, от которого у меня екнуло сердце.

– Я хочу, – продолжал он, – рассказать о вас в моей газете.

– В какой газете?

– Это «Литературная газета». Издается в Москве. Она весьма популярна в Советском Союзе.

Боже мой! Предо мной стоял человек из России. Я впустил его в комнату, принялся отвечать на его вопросы, но он не знал, что разговор с ним уносит меня мысленно на 20 лет назад в полузабытую Москву к моей молодости и несчастной любви.

Русский газетчик не знал, что я, глядя на него, вижу вовсе не его, а ожившее в памяти милое, ненаглядное, грустное лицо Аллы в разбитом окошке уезжающей электрички.

Москвич не знал, что его деловой визит почудился мне судьбоносным. Андронов не знал, что я молчком прозвал его Посланником.

Он удивил меня тем, что позвал по-соседски в гости. Его жена Валентина оказалась по-русски душевно-доброжелательной. Они сострадающе отнеслись к моим жилищным невзгодам, однако ничем не могли помочь, будучи чужестранцами. Я побывал у них не раз, но не откровенничал о своем стародавнем конфликте с КГБ из-за любви к советской гражданке.

В начале осени 1985 года Андронов познакомил меня с приехавшим в Нью-Йорк московским литератором Генрихом Боровиком. Он возглавлял киносъёмочную группу, делавшую фильм о бездомных американцах. По просьбе Боровика я разрешил накануне моего выселения заснять свое неприглядное жильё с матрасом на полу. И согласился выступить в кинороли рассказчика и проводника по трущобам Гарлема, манхэттенского Бауэри и на фешенебельной Пятой авеню.

Я сознавал, что Боровик эксплуатирует меня для заказанной ему политпропаганды, а она не спасет меня от бездомности. Вместе с тем и мне хотелось использовать по-своему советскую кинопропаганду: изобличить публично таких бессовестных богатеёв, как Дениз Собел, за их наглое изгнание из жилищ обездоленных сограждан. Кроме того, российский фильм мог бы, как понадеялся я, послужить мне пропуском обратно в Москву для возвращения к Алле.

После нескольких дней киносъёмок Боровик уехал, а еще через месяц меня выселили. Но одновременно, как по волшебству, мою участь облегчила нью-йоркская меценатка Мег Бойл. Она милосердно арендовала мне крохотную комнату в ее приюте для бедняков на 87-й стрит. Туда перенес я свой матрас и вещевую сумку. Туда же приходил приободрить меня подружившийся со мной Андронов.

Советский фильм с моим участием экранизировали в России весной 1986 года. И тогда же разгромная рецензия об этом фильме появилась в «Нью-Йорк таймс». Прочие городские газеты и телевидение изобразили меня продажным изменником, подлым пособником «империи дьявола». А моим шпионским подстрекателем объявили Андронova, хотя он никак не фигурировал в московском фильме о наших бездомных. Ему припомнили вдруг первоначальную заметку обо мне в его газете.

В типографии «Нью-Йорк таймс» начали обзывать меня «красным комми». Пятеро моих сослуживцев сказали мне, что были бы рады убить меня. Подавляющее большинство американцев слепо верит любым наветам нашей прессы, в отличие от тогдашней советской публики, которая воспринимала их журналистику зачастую скептически или вовсе никак.

Издатели «Нью-Йорк таймс» втихую настропалили послушного им профбосса типографии Эда Бурке собрать его подчиненных и провозгласить непререкаемый вердикт:

– Надо выгнать Маури отсюда. Здесь нет места таким, как он.

Так я лишился работы. Вместо зарплаты получил нищенское пособие безработного и продовольственные талоны для неспособных прокормить себя.

Ради моральной поддержки принес мне Андронов полученное «Литературной газетой» письмо от жившей в советском Крыму женщины по имени Антонина Ингауэр. Она звала меня пожить в ее доме безвозмездно и отдохнуть. Да еще предлагала оплатить мой авиабилет из Америки в Россию.

Это благородное приглашение побудило меня и Андронова спланировать мою поездку с ним в Россию во время его летнего отпуска. Андронов взялся договориться со своими газетными начальниками о моем месячном отдыхе у них в качестве гостя.

Такая передышка подвернулась весьма кстати для меня, хотя грозила новой вспышкой негодования американской прессы. Но в Нью-Йорке мне, пожалуй, уже нечего было терять. Даже в приюте бедняков на 87-й стрит кто-то пачкал дерьмом ручку двери моей комнаты.

В августе я, Андронов и его жена Валентина вылетели на советском самолете в Москву. Я продолжал скрывать пока от русских друзей невысказанную полупричину моего путешествия – повидаться с Аллой.

В Москве и трех других городах мне устроили серию встреч с коллективами фабрик, учреждений, школ, журналистских редакций. Везде высказывали горячее сочувствие и хотели оказать денежную помощь. От нее я вежливо отказывался, чтобы не способствовать клевете американской прессы о моем подкупе. Симпатизировавших мне русских я просил об иной поддержке: подписать апелляцию к властям Нью-Йорка о запрете массовых выселений обедневших квартирантов.

Оказанное мне повсеместное гостеприимство не было инсценировкой советских чиновников. Доброта – врожденное свойство русского народа. А он обрел заново такую свободу, какой не было в 1964 году, когда меня выслали из России. Там теперь возникла политическая оттепель, названная «перестройкой».

Пугало КГБ уже не внушало прежнего всеобщего страха. Видя это, я без опаски рассказал наконец-то Андронову все свои любовные злоключения 22 года назад. И признался, что приехал с ним сюда, надеясь вернуться к Алле.

Это сперва обескуражило моего друга. Затем, однако, он выяснил через адресную службу милиции, что Алла Ивановна Голубкова

не проживает более ни в подмосковном поселке Крутое, ни в Быково, ни в Москве. Спустя неделю он огорчил меня новым известием: нигде в СССР не зарегистрирована гражданка Алла Ивановна Голубкова. Но и после этого мне не верилось, что она умерла.

И вот настал памятный день, когда Андронов сообщил мне, что некая женщина – Альбина Тихомирова – позвонила по телефону в редакцию «Литературной газеты» и попросила помочь встретиться со знакомым ей американцем Джозефом Маури. Это была моя Алла!

Она в пору нашей молодости придумала себе красивое имя – Альбина. Зачем? Объяснить несложно: почти каждая девушка старается приукрасить себя красивым нарядом, красивой обувью, красивой шляпкой, бижутерией, косметикой. Все это было редчайшим дефицитом у русских в 60-е годы. Вот и вздумала провинциальная простушка с заурядным именем Алла преобразиться, как сказочная Золушка, в феерическую Альбину. А я не насмешничал над причудой моей возлюбленной и ради ее удовольствия старался пореже называть ее вслух Аллой.

Ныне Альбина Тихомирова жила в подмосковном городе Люберцы. Туда добрался я привычно, на электричке. Как встарь, мы встречались на станционном перроне, обнялись и поцеловались. Прослезились.

Минувшие годы изменили нас внешне. Она превратилась из грациозной девушки в дородную даму. Я полысел, исхудал, утратил молодецкую статью атлета. Слишком долгая разлука сделала нас другими людьми. Совсем другими.

Пока мы шли к ее дому, она рассказала, что побывала замужем, родила сына, развелась. Фамилия бывшего мужа – Тихомиров. Когда после свадьбы с ним она стала Тихомировой и потому получила в милиции новый паспорт, то сменила заодно и свое имя. Однако перевоплощение в Альбину впоследствии не осчастливило ее красивой жизнью.

В пролетарских Люберцах школьная учительница и ее сын жили в однокомнатной квартирке многосемейного дома. От него недалеко имелся у Альбины небольшой огород, где она выращивала огурцы, помидоры, лук, капусту. Эти витаминные продукты были существенным подспорьем скромного пропитания матери-одиночки и ее сына.

Альбина ввела меня в свое жилище, открыла створки шкафа, извлекла оттуда картонную коробку и вынула из нее шапку-ушанку. Ту самую, которую сорвала с меня на память в последний миг нашего прощального свидания 22 года назад на Курском вокзале.

Я растроганно принял к Альбине. Мы присели на колченогий и скрипучий диванчик. Но поблизости истошно зазвонил телефон. Альбина привстала, подняла трубку, сказала кому-то «здравствуй» и повернулась ко мне спиной. Произнесла тихо несколько отрывочных фраз. Тем временем я заметил сбоку от дивана настенную полочку с обрамленной фотографией смуглого мужчины.

Альбина положила трубку на телефонный аппарат и повернулась скованно ко мне. Я увидел в ее глазах смущение и досаду. Хотя все понял, однако не сдержался:

– Мне послышалось, что ты говорила с каким-то мужчиной?

Она молча кивнула головой утвердительно. Спасибо, что не солгала. Спасибо, что не подорвала уважение к ней. А ревности я не почувствовал. Ведь любил и не разлюбил Аллу. Похожая на нее Альбина была, как обнаружилось, другой женщиной с нелегкой судьбой, неудачным браком, исчезнувшей молодостью и безрадостным одиночеством, которое скрашивали хоть какие-то ее местные кавалеры.

Мое здешнее прошлое сгинуло безвозвратно. К нему не доедешь на подмосковной электричке по маршруту «Москва-Люберцы-Быково и далее везде».

В тот день я все же не смог и не захотел распрощаться с Альбиной. Былая любовь к ней не угасла окончательно. Ее сменила не менее сердечная привязанность к женщине моих долголетних грез. Но как бы их остатки тоже не растерять? Упросить Альбину отправиться со мной в Нью-Йорк?

Это было бы трагическим безумием. Моя подруга очутилась бы в тесной комнатухе трущобного приюта для бездомных. Мое денежное пособие безработного американца обрекало нас обоих на полуголодное житье. Русская преподавательница английского языка не нужна в Нью-Йорке никому. В лучшем случае она могла бы стать всего лишь ничтожной посудомойкой. И сделать своего сына в Люберцах беспризорником.

Поэтому я не позвал ее к себе в Нью-Йорк. Мы условились встретиться завтра в Москве. Она приехала туда, и мы гуляли полдня по столичным улицам. Альбина сказала, что готова выйти за меня замуж и поселиться со мной в Москве. Но где?

Ее ответ поразил меня деловым практицизмом. По словам Альбины, теперь я настолько знаменит и обожаем в России, что нам двоим, новобранцам, якобы подарят запросто столичную квартиру и ав-

томобиль, а мне дадут советское гражданство. Она изрекла это безапелляционно твердым голосом учительницы, привыкшей командовать школярами.

Потом повела меня в недоступный советским гражданам инвалидный магазин «Березка». Там я расплатился долларами за выбранные ею для себя подарки.

Позже я пересказал вкратце Андронову пожелания Альбины, но он бессловесно только хмыкнул. Он пообщался с нею ранее, уклонившись, однако, от товарищеской беседы со мною о его впечатлениях насчет Альбины. Андронов подчеркнуто выказывал невмешательство в мои интимные проблемы.

Лишь один раз я вынудил его дать мне дружеский совет.

– Поступай как хочешь, – проговорил он. – Учти, впрочем, что американцу будет трудно приспособиться к жизни в нашей стране. Настоятельно рекомендую, как бы то ни было, не аннулировать твой паспорт гражданина Соединенных Штатов.

Далее на свиданиях с Альбиной я попросил дать мне время обдумать хорошенько ее проект нашего супружества в Москве. Она поняла, что я не останусь ради нее в России, но вместе с тем не хочу обидеть и рассориться. Наша прошлая любовь еще не захламлена полностью и помогла избежать разрыва. Я пообещал вернуться через год в Москву.

То обещание я сдержал. И затем опять, копя экономно деньги в Нью-Йорке на авиабилет, прилетел в Москву, навещал Альбину в Люберцах, а жил у Андроновых, в их московской квартире и на загородной даче. Так я обрел свой второй дом в России. И свою русскую семью – Иону и Валентину. Благодаря их бескорыстной дружбе, я смог оплачивать ежегодно только авиабилеты для челночных полетов к женщине, которую так и не разлюбил.

В сентябре 1999 года я, прилетев в Москву, поселился, как обычно, у Андроновых, и поехал в Люберцы к Альбине. Мы с ней не виделись одиннадцать месяцев, но за этот недолгий срок она катастрофически исхудала. Сгорбилась и так ослабла, что у нее мучительно дрожали ноги от каждого шага по комнате. Еще недавно лучезарные глаза потухли. Она сказала, что ее обследовали доктора районной поликлиники и сообщили 11 сентября заключительный диагноз:

– У вас рак 4-й степени. Поражены кишечник и печень. Хирургическая операция уже не поможет.

Потрясенный ее словами, я попытался ласково внушить ей, что есть у современной медицины интенсивные методы лечения рака. Надо спешно обратиться в Москве к врачам, обладающим новейшей онкологической аппаратурой. Эту возможность упустил ее повзрослевший сын Марк, так как он сам был болен заразной хворью нынешней молодежи – наркоманией и криминальной добычей дурманного зелья.

Утром 15 сентября Альбина позвонила Андроновым и позвала меня к телефону. Она плакала:

– Приезжай, пожалуйста. Я умираю.

В тот же день мы поехали на такси в столичный Онкологический научный центр на Каширском шоссе. Огромный зал приема пациентов был переполнен жертвами раковых заболеваний. Пришлось томиться в длинной очереди к дежурной вахте медиков. Альбина полуобморочно скорчилась на дермантиновом креслице. Я поддерживал ее, стоя рядом.

Под конец впустили Альбину в онкологическую палату, а вскоре она, шатаясь, вышла оттуда. Ей вручили рецепт лишь на какие-то обезболивающие таблетки. Я без нее ворвался в палату и возмутился:

– Почему вы не прописали ей химиотерапию и противораковое облучение?

– Это слишком поздно для нее, – ответил онколог.

– Она умирает?

– Да.

Я отвез Альбину обратно в Люберцы. Три недели спустя она скончалась 6 октября 1999 года.

Постскриптум

Альбина Тихомирова похоронена на подмосковном Люберецком кладбище. Ее могила на окраине погоста помечена невысоким крестом под сенью зеленой хвои сосен.

Когда Джозеф гостит у меня в Москве, мы покупаем в цветочном киоске букет гвоздик, едем на метро до Кузьминок, пересаживаемся на загородное такси-маршрутку и выходим на остановке у Люберецкого кладбища. Там зимой снег по колено. И мы протаптываем проход к могиле Альбины, шагая друг за другом, след в след.

Джозеф кладет цветы под надгробным крестом. Стоит и шепчет что-то по-английски. То ли молится, то ли разговаривает с покойни-

цей. Чтобы не мешать ему, я отохожу от него на полсотни шагов и присаживаюсь на арматуру низкой ограды какой-нибудь могилы. Белоснежное кладбище навеваает соответственные мысли о самом себе. Жаль, что меня воспитали в советском безбожии, лишив веры в поустороннее бессмертие души.

Но зато я доволен, что Джо на излете советской эпохи не поддался тогда искушению поселиться в Москве с его Альбиной. Я прожил почти 12 лет в Америке и постиг на собственном опыте аксиомную истину: самая благополучная, но чужая страна – все равно мачеха. Она, даже незлая, хуже родной матери, иногда сварливой или несправедливо жестокой. Подлинный русак навсегда останется чужаком среди американцев, а янки – таким же у нас.

Моему нью-йоркскому приятелю жилось бы тут вдвойне плохо, когда в Москве начали публично бранить советскую власть и принялись охаивать поголовно всех, кому она где-либо покровительствовала. Сперва в нашей прессе ее перевертыши изругали с особым смаком небезызвестную Анжелу Дэвис, американскую коммунистку. А весной 1989 года газета «Московские новости», чьим подписчиком был Джо, напечатала о нем издевательскую статейку, высмеяв ехидно даже его «смешную шапчонку».

В ответ я послал главному редактору «Московских новостей» критическое письмо о незтичности издевок над настроенным дружески к ним безработным бедняком. Однако негодное главреду письмо, как принято и поныне, выбросили в мусорную корзину.

В мае 1999 года столичная «Комсомольская правда», отрекшись своевременно от комсомола, вспомнила зачем-то о Джозефе. Анонимная заметка под заголовком «Забывтые имена» гласила:

«По последним данным, Маури какое-то время находился в госпитале для душевнобольных, а затем – в психбольнице тюремного типа».

Это вранье было, очевидно, отголоском другого пасквиля трехгодичной давности в «Московском комсомольце». Его борзописцы сочинили в 1996 году тошнотворный детектив о том, как Джозеф приехал первый раз в Россию, заполучив якобы у американских спецслужб агентурную кличку Маугли. Хулиганскую, по-моему, брехню все-таки процитирую отрывочно:

«В середине шестидесятых годов на одну из крупных строек в России прибыла большая группа иностранных рабочих. Был в ее составе и Маугли, в прошлом американский учитель физкультуры, уволенный из привилегированной школы. Вместо того, чтобы укреплять

тела учеников, сей несостоявшийся педагог растлевал девичьи души. Вскоре у него появилась зазноба в подмосковной Балашихе. Зазноба разродилась сыном. Кроме того, нашлись общие алкогольные интересы.

Маугли быстро сошелся с бомжами, среди которых прославился благодаря умению играть в карты. Мелкие мошенничества, кражи на вокзалах и в пустующих зимних дачах – всему этому пришлось американцу научиться. Но в Москве совершенно справедливо рассудили, что у нас своих воров хватает, чтобы еще ввозить их из-за рубежа. И бывшего учителя физкультуры выдали американцам. Он в данный момент обитает в одной из американских тюрем то ли за кражу, то ли за изнасилование».

Омерзительная брехня! И она не умолкала. Ее возобновила зачем-то в марте 2003 года всероссийская сплетница «Экспресс-газета»: «Джо Маури, американский безработный, который хаял по нашему ТВ «капиталистический образ жизни», проходит курс лечения в психиатрической больнице».

Все пакости трех московских газет я, преодолев боязнь поранить психику Джо, показал-таки ему. И принялся обсуждать с ним – как опровергнуть клевету?

Обычный способ – подать в российский суд иск о защите чести и достоинства оскорбленного человека. Мне самому довелось так поступить уже дважды. Первый судебный процесс тянулся полтора года, второй – два года.

Тем временем мои влиятельные и богатые оскорбители воздействовали свыше на судей, давали взятки, нанимали продажных журналистов и заново порочили меня в нашей коррумпированной прессе.

Моих противников обслуживала орава дорогостоящих адвокатов, а у меня не хватало денег даже на единственного платного юриста. Им был бескорыстно один из моих друзей.

Судебная тяжба Джо одновременно с тремя китами нашей прессы была ему, конечно, не по карману. И ради этого было бессмысленно перемещаться из Нью-Йорка в Москву на несколько лет.

Вот почему я поначалу подбил Джо на правдивое жизнеописание всего, что случилось с ним в России. А, прочтя его рукопись, увидел, что она – отнюдь не газетное опровержение, а намного более значимая, целиком самостоятельная, романтическая история двух разлученных сердец.

Когда я переводил на русский язык рукописные странички американского друга, Джо и Альбина были опять молоды, влюблены, терзались от разлук, радовались их редким свиданиям, печалились и мечтали о счастье, но все это повторялось уже не наяву, а в моем мозгу.

Девушка из Подмосковья и янки из Нью-Йорка как бы срастались со мною все больше по мере того, как я переписывал по-русски исповедь Джо, редактировал ее, шлифовал литературно, заполнял сюжетные пробелы устными воспоминаниями Джо в ответ на мои вопросы. Никогда прежде я, политический хроникер, не писал о самом драгоценном в человеческой жизни.

Что же получилось? Что это?

Это повесть о несчастной любви.

* * *

Все, рассказанное выше, было первоначально напечатано малотиражно в литературном журнале «Наш современник» в октябре 2003 года.

Затем Джозефа и меня пригласили дважды выступить на телеканале «Россия». И, наконец, «Экспресс-газета» и «Московский комсомолец» поместили правдивые пространные репортажи о русской любви Джо Маури. Обе газеты, впрочем, не извинились за их прошлую клевету. Но таковы уж нравы нашей вроде бы свободной прессы.

Американский журнал «Тайм» поместил в июне 2004 года иллюстрированную статью под заголовком «Любовь во времена холодной войны». Это была корреспонденция из Москвы о Джо, Альбине, обо мне и моей жене Валентине. Последний абзац публикации «Тайм» гласил:

«Андронов и его жена Валентина, у которых Маури находил уют во время его визитов в Москву, превратились в его единственную семью. В 2003 году Валентина умерла. Теперь Маури и Андронов – двое старых усталых мужчин, потерявших все на свете за исключением необычной взаимосвязи между ними, возникшей в пору холодной войны».